P. Stanisławowi Olszewskiemu
na pamiątkę autor

НѢКОТОРЫЯ ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О

ЯЗЫКОВѢДѢНІИ и ЯЗЫКѢ

И. Бодуэна-де-Куртенэ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.
1871.

НѢКОТОРЫЯ ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О

ЯЗЫКОВѢДѢНІИ и ЯЗЫКѢ

И. Бодуэна-де-Куртенэ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.
1871.

ПРО...

Р
Vol
Бод г

Н.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
[redacted] Наук СССР
685
53

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Институт Литературы
БИБЛИОТЕКА
им. А. М. Горького
166918

НѢКОТОРЫЯ ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ЯЗЫКОВѢДѢНІИ И ЯЗЫКѢ.

(Вступительная лекція по каѳедрѣ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, читанная $^{17}/_{29}$ декабря 1870 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ).

Мм. гг.! Начиная лекціи по части такъ-называемой сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, считаю не безполезнымъ охарактеризовать сначала въ общихъ чертахъ предметъ нашихъ занятій и опредѣлить его отношеніе къ другимъ. Наука, часть которой составляетъ избранный мною предметъ,—языковѣдѣніе; слѣдовательно, то, что̀ относится къ языковѣдѣнію, вполнѣ примѣнимо и къ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ, хотя эта послѣдняя обладаетъ также нѣкоторыми спеціальными, ей исключительно присущими свойствами, чуждыми языковѣдѣнію, какъ наукѣ вообще. Это обусловлено сущностью предмета изслѣдованія, равно какъ и извѣстными, исторически выработавшимися пріемами.

Въ сегоднешней общей характеристикѣ нашей науки я постараюсь прежде всего опредѣлить ея границы, показавъ, 1) чего отъ нея нельзя ожидать, и 2) что̀ именно составляетъ ея сущность, — и потомъ постараюсь опредѣлить природу объекта этой науки, то-есть, природу языка. Слѣдовательно, моя лекція распадается на двѣ части: 1) о языковѣдѣніи вообще, а въ особенности о такъ-называемой сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ, и 2) о языкѣ вообще, а преимущественно о языкахъ индо-европейскихъ. Обѣ эти части тѣсно связаны другъ съ другомъ, постоянно скрещиваются и обусловливаютъ другъ друга, такъ что точное ихъ раздѣленіе оказывается почти невозможнымъ.

Исходною точкой для опредѣленія науки языковѣдѣнія послужитъ мнѣ недоразумѣніе, основывающееся на томъ господствующемъ въ публикѣ мнѣніи, что грамматика есть наука правильно говорить и писать на извѣстномъ языкѣ. Это мнѣніе поддерживается и до сихъ

поръ многими изъ грамматиковъ, которые обыкновенно такъ и опредѣляютъ предметъ своей науки. Никто, разумѣется, не въ правѣ навязывать другому то или другое пониманіе извѣстнаго слова, а преимущественно техническаго термина. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ требовать ни отъ публики, ни отъ грамматиковъ извѣстнаго закала, чтобъ они въ угоду намъ отказались отъ своего ходячаго опредѣленія грамматики. Но мы имѣемъ полное право замѣтить этимъ господамъ, что они такимъ опредѣленіемъ и соотвѣтствующимъ ему отношеніемъ къ языку исключаютъ грамматику изъ ряда наукъ, и причисляютъ ее къ искусствамъ, имѣющимъ цѣлью примѣнять теорію къ практикѣ. Но можетъ ли изслѣдователь языка ограничиться такою задачей, и въ такомъ ли видѣ представляется исторически развившееся языковѣдѣніе?

Различіе искусства въ обширномъ смыслѣ слова (слѣдовательно, не только изящнаго искусства) и науки вообще вполнѣ соотвѣтствуетъ различію практики и теоріи, знанія, равно какъ различію изобрѣтенія и открытія. Искусству свойственны техническія правила и предписанія, наукѣ—обобщенія фактовъ, выводы и научные законы [1]). Искусство представляетъ двѣ стороны: 1) постоянную практику на основаніи преданія и 2) улучшеніе средствъ къ осуществленію практическихъ задачъ этого искусства. Точно также историческое развитіе науки представляетъ 1) переходъ прежнихъ знаній отъ предковъ къ потомкамъ и 2) расширеніе и совершенствованіе этихъ знаній трудолюбивыми и талантливыми представителями науки. Каждый шагъ впередъ въ искусствѣ ознаменованъ изобрѣтеніемъ, каждый шагъ впередъ въ наукѣ—открытіемъ.

По отношенію къ языку, въ противоположность наукѣ языка, можно говорить также объ искусствѣ, а скорѣе—объ искусствахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ языкъ вообще или же отдѣльные языки. Эти искусства суть между прочимъ слѣдующія:

А. Состоящія въ примѣненіи результатовъ науки къ потребностямъ жизни:

---

[1]) Въ историческомъ развитіи всякаго искусства (не только одного изящнаго) слѣдуетъ различать искусство безсознательное, то-есть, обыкновенную практику, предшествовавшую теоріи (хотя ужь и тогда возможны безсознательныя изобрѣтенія), и искусство сознательное, руководимое теоріей, знаніемъ. Точно также въ наукѣ можно различать накопленіе отрывочныхъ познаній дикаря или же неспособнаго человѣка отъ критическаго разбора фактовъ и сознательнаго ихъ обобщенія образованнымъ и способнымъ человѣкомъ.

1) Первое изъ нихъ есть усвоеніе языка и языковъ,—начиная съ раннихъ лѣтъ въ теченіе всей жизни,—которое отчасти составляетъ одинъ изъ вопросовъ дидактики, отчасти же есть дѣло совершенно самостоятельнаго труда, успѣхъ котораго зависитъ отъ бо́льшихъ или меньшихъ способностей и практической ловкости учащагося. Это можетъ быть усвоеніе или а) роднаго языка, или же б) усвоеніе языковъ иностранныхъ. Успѣхи поэтой части зависятъ въ высокой степени отъ примѣненія открытій чистой науки языковѣдѣнія, которая, по отношенію къ родному языку, даетъ прочныя основанія къ тому, чтобы надлежащимъ и настоящимъ современнымъ образомъ α) способствовать младенцу въ его первыхъ попыткахъ говорить на отечественномъ языкѣ и β) въ болѣе позднемъ, дѣтскомъ [1]) и юношескомъ возрастѣ—пріучать и пріучаться къ свободному и искусному владѣнію тѣмъ же отечественнымъ языкомъ; по отношенію же къ иностраннымъ языкамъ, практическая польза языковѣдѣнія состоитъ въ облегченіи толковаго и сознательнаго изученія иностранныхъ языковъ, какъ для того, чтобы понимать ихъ безъ всякаго затрудненія, такъ и для того, чтобъ излагать на нихъ свои мысли совершенно правильно и свободно. Искусство состоитъ здѣсь въ улучшеніи средствъ практическаго изученія самимъ же учащимся—въ улучшеніи упражненій, или же въ улучшеніи и надлежащемъ примѣненіи пріемовъ преподаванія другимъ чужихъ языковъ [2]). По серединѣ между изученіемъ роднаго языка и изученіемъ языковъ иностранныхъ стоитъ изученіе языка литературнаго,—объединяющаго весь народъ, облегчающаго взаимное пониманіе его членовъ и составляющаго обыкновенно (съ небольшими измѣненіями) разговорный языкъ такъ-называемаго образованнаго класса, въ противоположность народнымъ говорамъ. Въ странахъ, гдѣ литературный языкъ очень различенъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говоровъ, какъ напримѣръ въ Германіи и т. п., такого рода изученіе немногимъ легче изученія языковъ иностранныхъ [3]).

---

[1]) Ср. между прочимъ: Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ бесѣдъ И. И. *Срезневскаго (Извѣстія* Императорской Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Томъ IX. 1860. 1—51, 273—332; особый оттискъ: 2 вып. С.-Пб. 1861).—Сюда относятся всѣ учебники-грамматики и другія книги, имѣющія цѣлью облегчить дѣтямъ сознательное изученіе роднаго языка и усвоеніе языковъ иностранныхъ.

[2]) Въ связи съ этимъ находится искусство хорошо переводить съ иностранныхъ языковъ на родной и обратно.

[3]) Что касается краснорѣчія, то оно только съ внѣшней стороны, какъ такъ-называемая орѳоепія, можетъ считаться примѣненіемъ языковѣдѣнія; по внутрен-

2) Совершенно особыми пріемами отличается искусство обученія глухонѣмыхъ какому-нибудь языку. Для глухонѣмыхъ не существуетъ вовсе слышимаго языка; имъ понятенъ только языкъ пантоминный. И хотя они могутъ даже производить звуки, похожіе на звуки какого-нибудь языка, все же эти звуки существуютъ только для слушающихъ, а никакъ не для нихъ: совершаемыя ими при этомъ движенія мускуловъ представляются имъ пантоминами въ такомъ же родѣ, какъ любыя гримасы и сочетанія пальцевъ. Пріученіе глухонѣмыхъ къ произношенію слышимыхъ словъ основывается на данныхъ изъ области анатомически-физіологической части грамматики.

Только на отчетливомъ знаніи звуковъ языка въ отличіе отъ означающихъ ихъ начертаній, равно какъ и на знаніи происхожденія и состава словъ, можетъ основываться, съ одной стороны,

3) хорошій методъ обученія дѣтей (и взрослыхъ) читать и писать на извѣстномъ языкѣ, — съ другой же,

4) орѳографія, правописаніе, соотвѣтствующее результатамъ науки.

Изъ этого краткаго разсмотрѣнія разныхъ направленій искусствъ, техники и практики, представляющихъ примѣненіе результатовъ науки къ потребностямъ жизни отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, мы видимъ, что языковѣдѣніе вообще мало примѣнимо къ жизни: съ этой точки зрѣнія, въ сравненіи, напримѣръ, съ физикою, химіей, механикой и т. п., оно является полнѣйшимъ ничтожествомъ. Вслѣдствіе того оно принадлежитъ къ наукамъ, пользующимся весьма малою популярностью, такъ что можно встрѣтить людей даже очень образованныхъ, но не понимающихъ или даже вполнѣ отрицающихъ потребность языковѣдѣнія. Убѣждать ихъ въ противномъ—напрасная трата времени; можно замѣтить только, что для человѣка, не возвысившагося надъ уровнемъ умственнаго развитія животнаго, не нужна ни одна наука; признавать же безполезнымъ изслѣдованіе извѣстнаго рода явленій значитъ обладать умомъ необъективнымъ и лишеннымъ чутья дѣйствительности.

Б. Житейскія потребности, стремленіе къ удобству, къ упрощенію, къ облегченію взаимныхъ отношеній между людьми, стремленіе создать общій органъ для литературы народа, органъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ соединялъ бы и въ жизни всѣхъ современныхъ членовъ народа, а въ литературѣ каждое поколѣніе съ его предками и потомками, всѣ эти потребности и стремленія вызвали появленіе въ каждомъ ли-

---

нимъ же качествамъ, по подбору мыслей и ихъ распредѣленію, то-есть, какъ риторика, оно есть примѣненіе діалектики, логики.

тературно-объединенномъ народѣ одного, въ извѣстномъ смыслѣ условнаго и образованнаго языка. Сущность и назначеніе такого языка имѣютъ необходимымъ послѣдствіемъ стремленіе къ застою, стремленіе къ тому, чтобы задерживать языкъ въ его естественномъ теченіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ довольно могущественное вліяніе человѣческаго сознанія на языкъ.

Съ другой стороны, сознательное и безсознательное стремленіе къ идеальному, стройному, правильному порождаетъ языковой пуризмъ, граничащій съ педантизмомъ [1]) и заставляющій своихъ представителей вмѣшиваться постоянно въ естественное развитіе языка, класть *veto* противъ извѣстныхъ явленій, кажущихся почему-то неправильными, и приказывать, чтобы то-то и то-то въ языкѣ приняло такой-то и такой-то видъ. Пекутся извѣстныя правила и извѣстныя исключенія изъ этихъ правилъ [2]), которыя считаются ненарушимыми и послѣдствіемъ которыхъ бываетъ то, что подчасъ иностранецъ „правильнѣе“ (по грамматикѣ) говоритъ извѣстнымъ языкомъ, нежели туземецъ. Разумѣется, что грамматики, смотрящіе на языкъ съ такой точки зрѣнія, не имѣютъ понятія о его развитіи: имъ неизвѣстно, что всѣ мнимыя грамматическія исключенія объясняются исторіей языка и представляютъ или остатки древнихъ „правилъ“ или же задатки будущихъ [3]). Быть законодателемъ, хотя бы только въ области языка, очень пріятно, и поэтому-то каждый (или, по крайней мѣрѣ, почти каждый) грамматикъ практическаго направленія считаетъ себя въ правѣ командовать по этой части. Освободиться отъ желанія издавать подобнаго рода указы—очень трудно, такъ что даже у многихъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и чисто-объектив-

---

[1]) Ср. Jacob *Grimm*, Über das pedantische in der deutschen Sprache (Kleinere Schriften, I. Berlin 1864, стр. 327—373).

[2]) Всякому самостоятельному, положительному, объективному уму подобныя правила и исключенія могутъ только внушить отвращеніе къ грамматикѣ. Вотъ что говоритъ Гёте по поводу грамматическихъ правилъ и исключеній: «Die Grammatik missfiel mir, weil ich sie nur als ein willkürliches Gesetz ansah; die Regeln schienen mir lächerlich, weil sie durch so viele Ausnahmen aufgehoben wurden, die ich alle wieder besonders lernen sollte» (*Göthe*, Aus meinem Leben, Dichtung und Wahrheit, книга I).

[3]) «Alle grammatischen ausnahmen scheinen mir nachzügler alter regeln, die noch hier und da zucken, oder vorboten neuer regeln, die über kurz oder lang einbrechen werden» [Jacob *Grimm*, Über das pedantische in der deutschen sprache. (Kleinere Schriften. I. Berlin. 1864. 329)].

ныхъ умовъ сохраняется наклонность перестраивать и поправлять родной языкъ [1]).

Если ко всѣмъ выше изложеннымъ факторамъ мы прибавимъ дѣйствіе на языкъ постепенно увеличивающейся вѣжливости и лести, стремленіе къ точности и приложеніе къ явленіямъ языка логической мѣрки, то получится болѣе или менѣе полный образъ вліянія сознанія человѣческаго на языкъ, вліянія, которое на извѣстной степени развитія вводитъ въ языкъ настоящую *искусственность*. Хотя вліяніе это ничтожно, но все-таки не безъ послѣдствій, не безъ слѣдовъ въ строѣ и составѣ языка.

В. Кромѣ этихъ лингвистическихъ искусствъ изъ области взаимныхъ отношеній науки и жизни, теоріи и практики, есть еще искусство въ самой же наукѣ, искусство въ ея осуществленіи, однимъ словомъ, *техническая* сторона науки. Подъ эту категорію мы должны подвести, съ одной стороны, практику науки, ея повтореніе и распространеніе, съ другой же стороны—ея совершенствованіе посредствомъ разныхъ открытій и улучшеннаго метода, съ цѣлью ускорить изслѣдованіе ея вопросовъ отдѣльными учеными и облегчить ея усвоеніе людямъ, начинающимъ заниматься.

Главныя условія осуществленія науки въ своемъ умѣ слѣдующія: достаточное количество *матеріала* и надлежащій научный методъ.

Достаточнымъ количествомъ матеріала можно запастись, только изучая явленія, образуя изъ нихъ научные факты, и такимъ образомъ опредѣляя предметъ изслѣдованія, — стало-бытъ, въ примѣненіи къ языку, изучая практически языки, о категоріяхъ которыхъ мы желаемъ составить себѣ научное понятіе и изслѣдовать и разсуждать теоретически [2]). Только обладая практическимъ знаніемъ языковъ, о

[1]) Такъ, напримѣръ, даже Шлейхеръ, считавшій себя только строгимъ наблюдателемъ естественнаго развитія языка, отрицавшій вполнѣ вліяніе на языкъ человѣческаго сознанія, не допускавшій вмѣшательства свободной воли человѣка въ чисто-естественное развитіе слова человѣческаго, заботился о чистотѣ отечественнаго языка: онъ очень часто возставалъ противъ разныхъ, какъ онъ называлъ, «неорганическихъ» явленій въ нѣмецкомъ языкѣ, введенныхъ въ него несвѣдущими шульмейстерами, и призывалъ земляковъ отказаться отъ этихъ погрѣшностей. Въ особенности вторая часть его «Deutsche Sprache» преисполнена мѣстъ, отличающихся такимъ проповѣдническимъ направленіемъ и патріотическимъ жаромъ. Здѣсь это практическое направленіе доведено до крайности. Вѣдь эта книга имѣетъ, между прочимъ, цѣлью, разбудить «Nationalgefühl» Нѣмцевъ: по моему, это почти тоже, что̀ статьѣ о пищеваренiи приписывать возбужденіе аппетита.

[2]) «Я, какъ «эмпирическій глоттикъ», говоритъ, Шлейхеръ, твердо убѣж-

которыхъ разсуждаешь, можно навѣрное избѣгнуть такихъ ошибокъ, какія сдѣлалъ Бенфей (Th. Benfey) въ своемъ „Griechisches Wurzellexicon“, принимая старо-славянское праздьнующа (ferior) въ смыслѣ „меня бьютъ“ (вмѣсто „я праздную“), или же переводя оукрадж (furor) словомъ „toben“ (неистовствовать, дѣлать шумъ) вмѣсто „stehlen“ (красть) и т. п. [1]). Но для нашихъ цѣлей достаточно знаніе языковъ, ихъ пониманіе; свободное же владѣніе ими въ разговорной рѣчи и въ письмѣ, хотя весьма желательно [2]), но не необходимо [3]).

Рядомъ съ собираніемъ матеріала идутъ научные пріемы, научный *методъ:* 1) въ изслѣдованіи, въ выводахъ изъ фактовъ, 2) въ представленіи результатовъ науки и въ сообщеніи ихъ другимъ, въ преподаваніи. Сюда слѣдуетъ отнести упражненія всякаго рода, пособія, вспомогательныя средства, какъ, напримѣръ, переводъ съ одного языка на другой или же переводъ формъ одного въ формы другаго (переводъ морфологическій и фонетическій) и т. п.

Теперь спрашивается: будетъ ли предметомъ нашихъ занятій, предметомъ языковѣдѣнія, одно изъ вышеисчисленныхъ направленій практической стороны этой науки? Будемъ ли мы давать указанія для успѣшнаго изученія языковъ какъ говорящими людьми, такъ и глу-

---

денъ въ томъ, что одно только дѣльное знаніе языковъ можетъ быть основаніемъ занятій языковѣдѣнія, и что прежде всего надобно стремиться къ тому, чтобы, сколько возможно, ознакомиться съ языками, которые избраны предметомъ изслѣдованія. Только на основаніи солиднаго, положительнаго знанія можно сдѣлать нѣчто дѣльное въ нашей наукѣ. Didicisse juvat. Итакъ, кто хочетъ посвятить себя индо-германскому языковѣдѣнію, тотъ долженъ прежде всего основательно изучать всѣ старшіе индо-германскіе языки, читать тексты и т. д. Кто нѣкоторые изъ нихъ оставляетъ въ сторонѣ, думая, что они менѣе важны, тотъ несомнѣнно будетъ послѣ сожалѣть объ этомъ». (Шлейхеръ въ сочиненіи: Die Wurzel AK im Indogermanischen von Dr. Johannes Schmidt. Mit einem Vorworte von August *Schleicher*. Weimar 1865, стр. IV).

[1]) См. Aug. *Schleicher*, Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache etc. Bonn. 1852, стр. XI.

[2]) Въ особенности желательно развить въ себѣ чутье для изучаемыхъ языковъ, даже въ такой степени, въ какой общее образованіе прежнихъ временъ (XVI и XVII вѣка въ западной Европѣ) давало тонкое чутье для такъ-называемыхъ классическихъ языковъ, латинскаго и греческаго, преимущественно же для латинскаго языка.

[3]) Знаніе и пониманіе языковъ отличается отъ владѣнія ими болѣе или менѣе на столько, на сколько знаніе физіологическихъ процессовъ отличается отъ ихъ совершенія (разумѣется, что большое различіе родовъ предметовъ обусловливаетъ неточность этого сравненія).

хонѣмыми? Или же нашъ курсъ представится въ видѣ руководства для обученія чтенію и писанію или же въ видѣ правилъ и рецептовъ правописанія? А можетъ-быть, мы будемъ заниматься очищеніемъ и улучшеніемъ языка и примѣненіемъ его къ житейскимъ потребностямъ? Наконецъ, не будутъ ли состоять наши лекціи въ изложеніи техники науки, методики, пропедевтики?

На всѣ эти вопросы я долженъ отвѣтить отрицательно. Предметъ нашихъ занятій не искусство, не практика, не техника, а преимущественно *наука*, теорія, научное знаніе, — понимая отдѣльную науку въ томъ смыслѣ, что она есть упражненіе человѣческаго ума надъ суммою (комплексомъ) однородныхъ въ извѣстной степени фактовъ и понятій.

Но и теоретическое изслѣдованіе языка можетъ быть разнородно, смотря по тому, какъ понимаются задачи науки, и какой методъ примѣняется для ихъ рѣшенія. Не говоря о чисто *практическомъ* направленіи, имѣющемъ цѣлью свободное владѣніе чужими языками съ возможно большею бѣглостью при возможно меньшей рефлексіи (что составляетъ прямую противоположность наукѣ, требуя страдательнаго отношенія къ чужимъ языкамъ и способности подражать, между тѣмъ какъ цѣль науки — сознавать и обладать фактами на основаніи самостоятельной рефлексіи, и о чемъ мы говорили при разборѣ лингвистическихъ искусствъ) [1] въ исторически развившемся, сознательномъ, научномъ изслѣдованіи языковъ и рѣчи человѣческой вообще можно отличить три направленія [2]:

1) *Описательное*, крайне эмпирическое направленіе, ставящее себѣ задачею собирать и обобщать факты чисто внѣшнимъ образомъ, не вдаваясь въ объясненіе ихъ причинъ и не связывая имъ между собою на основаніи ихъ сродства и генетической зависимости. Приверженцы этого направленія видятъ всю мудрость науки въ составленіи описательныхъ грамматикъ и словарей и въ изданіи памятниковъ, въ приготовленіи матеріала безъ всякихъ выводовъ, кажущихся имъ почему-то слишкомъ смѣлыми или же преждевременными. Это проистекаетъ

---

[1]) И для человѣка, занимающагося теоретическою стороной языковѣдѣнія, весьма полезно усвоить себѣ возможно обширное знаніе разныхъ языковъ, какъ я уже замѣтилъ выше.

[2]) Ср. между прочимъ: System der Sprachwissenschaft von K. W. L. *Heyse* etc. Berlin, 1856, стр. 6 — 21, §§ 5—9; — Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland etc. von Theodor *Benfey*. München. 1869, стр. 1—12, и пр.

частію вслѣдствіе черезчуръ строго критическаго и скептическаго склада ума, отвергающаго безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей настоящую науку, изъ опасенія сдѣлать ошибку въ выводѣ или же высказать гипотезу, которая со временемъ можетъ показаться несостоятельною, частію же это слѣдуетъ приписать умственной лѣни и желанію избавиться отъ необходимости давать себѣ добросовѣстный отчетъ въ пользѣ и цѣли накопленія матеріала,—желанію, низводящему такимъ образомъ науку на степень эмпирическихъ занятій и какой-то безцѣльной игрушки. Эти ученые отсылаютъ объясненіе фактовъ *ad acta*, *ad meliora tempora*, и тѣмъ временемъ упускаютъ изъ виду то важное обстоятельство, что, ставя себѣ конечною цѣлью представленіе подробностей и ихъ примитивное, рабское, чисто внѣшнее объясненіе, можно быть очень полезну, но не для самаго себя (то-есть, не для собственнаго знанія) и не для науки непосредственно, а только для другихъ изслѣдователей, на сколько добросовѣстно собирается и приготовляется для нихъ достовѣрный матеріалъ. Разумѣется, что желая избѣжать положенія науки, о которомъ можно бы справедливо замѣтить, что изъ-за деревьевъ лѣса не видно, нельзя никакъ ограничиваться задачами и вопросами, рекомендуемыми этимъ направленіемъ [1]). Тѣмъ не менѣе, какъ первый шагъ въ наукѣ, какъ подготовка, описательныя операціи необходимы; при чемъ первымъ условіемъ является точное и добросовѣстное наблюденіе, которое на степени совершенства встрѣчается только у немногихъ, такъ какъ всѣ смотрятъ, но не каждый видитъ. Хорошія описательныя грамматики, изданія памятниковъ и словари останутся на всегда насущною потребностью нашей науки, и безъ нихъ даже самымъ геніальнымъ теоретическимъ выводамъ будетъ недоставать фактическаго основанія.

2) Совершенную противоположность этому скромному и сдержанному направленію составляетъ направленіе *резонирующее*, умствующее, апріористическое, ребяческое. Люди этого направленія чувствуютъ потребность въ объясненіи явленій, но берутся за это дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ. Они придумываютъ извѣстныя начала, извѣстные апріористическіе принципы, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, и подъ эти принципы подгоняютъ факты, поступая съ ними

---

[1]) Естественнымъ слѣдствіемъ этого направленія является узкій партикуляризмъ, отрицающій умѣстность сравненія сходныхъ явленій разныхъ языковъ и ограничивающійся предѣлами одного языка.

крайне безцеремонно. Здѣсь источникъ разнороднѣйшихъ предвзятыхъ грамматическихъ теорій, какъ по отношенію къ развитію самаго же языка, такъ и въ примѣненіи лингвистическихъ выводовъ къ другимъ областямъ знанія, къ исторіи, къ древностямъ, къ миѳологіи, къ этнографіи и т. п. Здѣсь источникъ всевозможныхъ безчисленныхъ произвольныхъ объясненій и выводовъ, не основанныхъ на индукціи и свидѣтельствующихъ иногда объ отсутствіи здраваго смысла у ихъ виновниковъ. Кому не извѣстны куріозныя этимологіи, за которыя такъ и хотѣлось бы помѣстить самихъ господъ этимологовъ въ домъ умалишенныхъ? Какъ алхимики старались отыскать первобытное тѣло, изъ котораго развились всѣ остальныя, или же таинственную универсальную всемогущую силу, такъ же точно и нѣкоторые изъ представителей апріористическаго направленія въ языковѣдѣніи пытались изъ одного или же нѣсколькихъ созвучій вывести все богатство человѣческой рѣчи [1]). Но настоящею алхиміей теперь никто не занимается, лингвистическіе же алхимики до сихъ поръ не исчезли, и вообще мало надежды на скорое изгнаніе изъ области языковѣдѣнія господства воображенія и произвола.

Въ новѣйшее время апріористическое направленіе въ языковѣдѣніи создало такъ-называемую *философскую* школу, которая, основываясь на умозрѣніи и ограниченномъ знаніи фактовъ, стала строить грамматическія системы, вкладывая явленія языка въ логическія рамки, въ логическія схемы. Конечно, такого рода системы могутъ представлять болѣе или менѣе удачныя измышленія ученыхъ умовъ, произведенія логическаго искусства, отличающіяся гармоніей и стройностью; но, насилуя и искажая факты на основаніи узкой теоріи, онѣ ни болѣе ни менѣе какъ воздушные замки, которые не въ состояніи удовлетворять требованіямъ людей, думающихъ положительно.

Если описательное, крайне эмпирическое направленіе только старается задерживать развитіе науки, то вышеупомянутое апріористическое, произвольное, ребяческое направленіе сталкиваетъ его на ложные пути, и поэтому оно положительно вредно.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, всѣ слова всѣхъ языковъ считаются происшедшими изъ созвучій, обозначающихъ представленіе «пѣтуха», въ сочиненіи «Dr. Max Müllers Bau-Wau-Theorie und der Ursprung der menschlichen Sprache etc. von Dr. Christoph Gottlieb *Voigtmann* etc. Leipzig 1865» (ср. Johannes *Schmidt* въ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* XV, 235 — 7). Voss выводилъ всѣ слова изъ первобытныхъ созвучій φόω, *feo* и *geo* (ср. J. *Grimm*, Ueber Etymologie und Sprachvergleichung, Kleinere Schriften I, 307).

3) Истиннно научное, *историческое,* генетическое направленіе считаетъ языкъ суммою дѣйствительныхъ явленій, суммою дѣйствительныхъ фактовъ, и слѣдовательно, науку, занимающуюся разборомъ этихъ фактовъ, оно должно причислить къ наукамъ индуктивнымъ. Задача же индуктивныхъ наукъ состоитъ: 1) въ объясненіи явленій соотвѣтственнымъ ихъ сопоставленіемъ и 2) въ отыскиваніи силъ и законовъ, то-есть, тѣхъ основныхъ категорій или понятій, которыя связываютъ явленія и представляютъ ихъ какъ безпрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Первое имѣетъ цѣлью сообщить человѣческому уму систематическое знаніе извѣстной суммы однородныхъ фактовъ или явленій, второе же вводитъ въ индуктивныя науки все болѣе и болѣе дедуктивный элементъ. Такъ точно и языковѣдѣніе, какъ наука индуктивная, 1) обобщаетъ явленія языка и 2) отыскиваетъ силы, дѣйствующія въ языкѣ, и законы, по которымъ совершается его развитіе, его жизнь. Разумѣется, что при этомъ всѣ факты равноправны, и ихъ можно признавать только болѣе или менѣе важными, но ужь никакъ нельзя умышленно не обращать вниманія на нѣкоторые изъ нихъ, а ругаться надъ фактами просто смѣшно. Все существующее разумно, естественно и законно; вотъ лозунгъ всякой науки.

Многими признается „сравненіе“ какъ особенный, отличительный признакъ новѣйшей науки языка, и поэтому они весьма охотно и почти исключительно употребляютъ названія „сравнительная грамматика“, „сравнительное изслѣдованіе языковъ“ (vergleichende Sprachforschung), „сравнительное языковѣдѣніе“ (vergleichende Sprachwissenschaft), „сравнительная филологія“ (philologie comparée) и т. п. Мнѣ кажется, что въ основаніи этого взгляда лежитъ извѣстная узкость и исключительность, и что, принимая во вниманіе мотивы „сравнительныхъ“ грамматиковъ и „сравнительныхъ“ изслѣдователей языка, нужно было бы послѣдовательно названія всѣхъ наукъ украсить эпитетомъ „сравнительный“ и говорить о сравнительной математикѣ, сравнительной астрономіи, сравнительной физикѣ, сравнительной психологіи, сравнительной логикѣ, сравнительной географіи, сравнительной исторіи, сравнительной политической экономіи и т. д., и т. д. Вѣдь сравненіе есть одна изъ необходимыхъ операцій всѣхъ наукъ,— на немъ основывается процессъ мышленія вообще: вѣдь математикъ сравниваетъ величины и только этимъ добываетъ данныя для своихъ синтетическихъ и дедуктивныхъ соображеній; вѣдь историкъ вообще, только сравнивая различные фазисы развитія извѣстнаго рода проявленій человѣчества, можетъ дѣлать кое-какіе выводы и т. д., и т. д.

Роль же, которую играетъ сравненіе въ языковѣдѣніи, оно играетъ и во всѣхъ индуктивныхъ наукахъ: только при помощи сравненія можно обобщать факты и пролагать дорогу примѣненію дедуктивнаго метода. Съ другой однако же стороны названіе „сравнительная грамматика“ имѣетъ историческое значеніе: оно обязано своимъ происхожденіемъ новой школѣ, новому направленію, сдѣлавшему громадныя открытія. Сравненіе означало здѣсь сравненіе родственныхъ языковъ (и вообще сравненіе языковъ по ихъ сходствамъ и различіямъ) [1]), но никакъ не сравненіе фактовъ языка вообще, такъ какъ это послѣднее составляетъ необходимое условіе всякаго научнаго разбора языка. Подобное историческое значеніе имѣютъ названія „сравнительная анатомія“, „сравнительная миѳологія“ и т. п. Но все-таки это только одинъ моментъ въ исторіи науки, моментъ, въ который сравненіе въ неизвѣстномъ до сихъ поръ съ научной точки зрѣнія направленіи привело къ громаднымъ и совершенно новымъ результатамъ. Если же называть науку не по преходящимъ ея направленіямъ, а также и не по извѣстнымъ совершаемымъ въ ней ученымъ операціямъ, а по предмету изслѣдованія, въ такомъ случаѣ, на подобіе „естествовѣдѣнія“, самое умѣстное названіе для науки, предметомъ которой служитъ языкъ, будетъ не сравнительная грамматика, не сравнительное языковѣдѣніе, не объяснительная [2]) грамматика (erklärende Grammatik), не объяснительное языковѣдѣніе (erklärende Sprachwissenschaft), не (сравнительная) филологія [3]), а просто или *изслѣдованіе*

---

[1]) Въ послѣднее время начинаетъ обнаруживаться въ наукѣ стремленіе сравнивать научнымъ образомъ языкъ людей съ языкомъ животныхъ, и отъ этого сравненія можно ожидать совершенно новыхъ результатовъ.

[2]) Какъ извѣстно, объясненіе явленій составляетъ сущность стремленій всѣхъ наукъ, и поэтому оно не можетъ считаться исключительнымъ свойствомъ одной или нѣкоторыхъ изъ нихъ.

[3]) Отожествлять филологію съ языковѣдѣніемъ значитъ съ одной стороны съуживать кругъ ея вопросовъ (такъ какъ филологія занимается всѣми проявленіями душевной жизни извѣстнаго народа, а не только языкомъ), съ другой же стороны—слишкомъ расширять этотъ кругъ (такъ какъ филологія ограничивается до сихъ поръ извѣстнымъ народомъ или же группою народовъ, а языковѣдѣніе въ общей сложности изслѣдуетъ языки всѣхъ народовъ). Впрочемъ филологія, какъ она развилась исторически, представляетъ не однородную, цѣльную науку, а собраніе частей разныхъ наукъ (языковѣдѣнія, миѳологіи, исторіи литературы, исторіи культуры и т. п.), соединенныхъ въ одно цѣлое тожествомъ носителей разнородныхъ явленій, въ разборѣ которыхъ состоятъ научные вопросы и задачи филологіи. Отсюда филологія классическая (греко-латинская), санскритская, германская, славянская, романская и пр. и пр.

языковъ и рѣчи человѣческой вообще, или *языковѣдѣніе* (языкознаніе), или же наконецъ, *лингвистика* (глоттика). Это названіе ничего не предрѣшаетъ, а только указываетъ на предметъ, изъ области котораго берутся научные вопросы. Впрочемъ можно называть науку, какъ кому угодно, и въ особенности можно титуловать ее „сравнительною", лишьбы только знать, что сравненіе здѣсь не цѣль, а только одно изъ средствъ [1]), и что оно есть не исключительная привилегія языковѣдѣнія, а общее достояніе всѣхъ безъ исключенія наукъ.

Я замѣтилъ выше, что языковѣдѣніе изслѣдуетъ жизнь языка во всѣхъ ея проявленіяхъ, связываетъ явленія языка, обобщаетъ ихъ въ факты, опредѣляетъ законы развитія и существованія языка и отыскиваетъ дѣйствующія при этомъ силы.

Законъ является здѣсь формулированіемъ или обобщеніемъ того, что при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, послѣ того-то и того-то является то-то и то-то, или же что тому-то и тому-то въ одной области явленій, напримѣръ, въ одномъ языкѣ или же въ одной категоріи словъ или формъ одного и того же языка, соотвѣтствуетъ то-то и то-то въ другой области [2]). Такъ, напримѣръ, одинъ изъ общихъ законовъ развитія языка состоитъ въ томъ, что звукъ или созвучіе болѣе трудное замѣняется съ теченіемъ времени звукомъ или созвучіемъ болѣе легкимъ, или же что изъ представленій болѣе конкретныхъ развиваются представленія болѣе абстрактныя и пр. Изъ этихъ законовъ встрѣчаются мнимыя исключенія; но при точномъ изслѣдованіи эти исключенія оказываются обусловленными извѣстными причинами, извѣстными силами, которыя воспрепятствовали причинамъ или силамъ, вызвавшимъ данный законъ, расширить его и на кажущіяся исключенія. Убѣдившись въ этомъ, мы должны сознаться, что наше обобщеніе въ законъ было неточно и неполно, и что къ извѣстному уже genus proximum закона слѣдуетъ прибавить еще ограничивающую differentia specifica. Тогда станетъ ясно, что мнимое исключеніе

[1]) Есть ученые, которые въ самомъ дѣлѣ въ сравненіи для сравненія (искусство для искусства) видятъ всю мудрость языковѣдѣнія, забывая о другихъ гораздо болѣе интересныхъ сторонахъ ученой практики, вопросахъ, выводахъ и т. д.

[2]) Здѣсь основаніе для различенія законовъ развитія во времени и законовъ, обусловливающихъ одновременное состояніе извѣстнаго предмета на всемъ его пространствѣ (или въ каждый данный моментъ его существованія, или же только въ извѣстное время), то-есть, для различенія того, что производитъ перемѣну, отъ того, что составляетъ сущность и основаніе. Законы одного рода переходятъ въ законы другаго рода, взаимно обусловливаясь.

составляетъ, собственно говоря, только подтвержденіе общаго закона [1]).

Общія причины, общіе факторы, вызывающіе развитіе языка и обусловливающіе его строй и составъ, очень справедливо называть *силами*. Таковы между прочимъ:

1) *привычка*, то-есть, безсознательная память;

2) *стремленіе къ удобству*, выражающееся: а) въ переходѣ звуковъ и созвучій болѣе трудныхъ въ болѣе легкіе, для сбереженія дѣйствія мускуловъ и нервовъ, б) въ стремленіи къ упрощенію формъ (дѣйствіемъ аналогіи болѣе сильныхъ на болѣе слабыя), в) въ переходѣ отъ конкретнаго къ абстрактному, для облегченія отвлеченнаго движенія мысли;

3) безсознательное *забвеніе* и непониманіе (забвеніе того, о чемъ сознательно и не знали, и непониманіе того, чего сознательно и не могли понимать), но забвеніе и непониманіе не безплодное, не отрицательное (какъ въ области сознательныхъ умственныхъ операцій), а забвеніе и непониманіе производительное, положительное, вызывающее нѣчто новое поощреніемъ безсознательнаго обобщенія въ новыхъ направленіяхъ;

4) безсознательное обобщеніе, *апперцепція*, то-есть, сила, дѣйствіемъ которой народъ подводитъ всѣ явленія душевной жизни подъ извѣстныя общія категоріи. Эту силу можно сравнить съ силою тяготѣнія въ планетныхъ системахъ: какъ существуютъ извѣстныя системы небесныхъ тѣлъ, обусловленныя силою тяготѣнія, такъ же точно и въ языкѣ существуютъ извѣстныя системы, извѣстныя семьи словъ и другихъ категорій языка, связанныя силою безсознательнаго обобщенія; какъ небесное тѣло, выйдя изъ области вліянія одной планетной системы, движется въ пространствѣ особнякомъ, пока наконецъ не подвергнется вліянію новой системы, такъ же точно и извѣстное слово или форма, связь котораго или которой съ другими тожественными или родственными забыта въ чутьѣ народа (или, какъ при словахъ заимствованныхъ, когда самое слово или форма его не находились прежде ни въ какой связи съ даннымъ языкомъ), стоитъ особнякомъ въ языкѣ, пока наконецъ оно или она не подвергнется вліянію новой семьи словъ или же категоріи формъ дѣйствіемъ народнаго слово-производства, аналогіи и т. п.;

---

[1]) Необходимыя условія каждаго научнаго закона слѣдующія: а) относительно субъекта—опредѣленность, ясность и точность; б) относительно объекта—общепримѣнимость.

5) безсознательная *абстракція*, безсознательнное отвлеченіе, безсознательное стремленіе къ раздѣленію, къ дифференцировкѣ. Какъ предшествующая сила представляетъ въ языкѣ силу центростремительную, такъ эту силу (безсознательной абстракціи) можно сравнить со второю изъ двухъ силъ, на которыя разлагается сила тяготѣнія вообще, какъ ихъ равнодѣйствующая, то-есть, съ силою центробѣжною [1]).

---

[1]) Кромѣ выше исчисленныхъ и имъ подобныхъ силъ, дѣйствующихъ во всю жизнь языка, нужно на извѣстной степени развитія человѣчества допустить тоже какъ силу (хотя сравнительно не очень могущественную) вліяніе на языкъ человѣческаго *сознанія*. Это вліяніе однообразитъ формы языка и по своему совершенствуетъ его, являясь такимъ образомъ слѣдствіемъ стремленія къ идеальному, о которомъ говорено было выше (при разборѣ лингвистическихъ искусствъ). Хотя вліяніе сознанія на языкъ проявляется вполнѣ сознательно только у нѣкоторыхъ индивидуумовъ, но все-таки его послѣдствія сообщаются всему народу, и такимъ образомъ оно задерживаетъ развитіе языка, противодѣйствуя вліянію безсознательныхъ силъ, обусловливающихъ въ общемъ болѣе скорое его развитіе, и противодѣйствуя именно съ цѣлью — сдѣлать языкъ общимъ орудіемъ объединенія и взаимнаго пониманія всѣхъ современныхъ членовъ народа, равно какъ и предковъ, и потомковъ. Отсюда застой въ извѣстной степени въ языкахъ, подверженныхъ вліянію человѣческаго сознанія, въ противоположность скорому и безъискусственному теченію языковъ, свободныхъ отъ этого вліянія. Въ связи съ вліяніемъ сознанія находится (сознательное и безсознательное) вліяніе книгъ и литературы вообще на языкъ литературно-образованнаго народа (ср., между прочимъ, обусловленное привычкою вліяніе книгъ церковно-славянскихъ на произношеніе лицъ духовнаго званія въ православныхъ славянскихъ земляхъ и т. п.), вліяніе грамотности на народный языкъ [напримѣръ, вліяніе церковно-славянскаго не только на составъ, но и на строй народнаго русскаго языка; переходъ изъ книгъ и журналовъ въ разговорный языкъ извѣстныхъ изрѣченій въ видѣ стереотипныхъ фразъ, становящихся обыкновенно въ послѣдствіи избитыми, пошлыми (ср., между прочимъ, *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft* etc. von *Lazarus* und *Steinthal*, V. 106 — 109].

Иногда, не смотря на всѣ усилія изслѣдователей, нельзя открыть, дѣйствію какихъ силъ, вліянію какихъ причинъ обязано своимъ существованіемъ извѣстное явленіе. Въ такомъ случаѣ вопросъ о причинѣ этого явленія слѣдуетъ оставить нерѣшеннымъ, ожидая болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя, можетъ-быть, сдѣлаютъ возможнымъ объясненіе этого явленія въ связи причинъ и слѣдствій. Принимать возможность безпричинныхъ явленій и въ одно и время заниматься серіозно наукой нельзя послѣдовательному уму. Не смотря ~~то же~~ на то, многіе изъ ученыхъ, занимающихся разборомъ разныхъ проявленій такъ-называемой внутренней жизни человѣчества, не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя пока доискаться опредѣленныхъ причинъ, но даже тамъ, гдѣ

Почва, на которой происходитъ дѣйствіе всѣхъ этихъ силъ въ языкѣ, представляетъ двѣ стороны:

1) чисто *физическую* сторону языка, его построеніе изъ звуковъ

данное явленіе объясняется очень просто извѣстными наукѣ силами и законами, предпочитаютъ этому естественному объясненію объясненіе мистическое, вводя въ науку вовсе ненаучныя категоріи цѣлесообразности, случайности, опеки всевозможныхъ демонистическихъ силъ и т. п. — Видѣть въ явленіяхъ какую-то объективную цѣль, какъ основаніе для ихъ объясненія, совершенно не научно. Говорить, напримѣръ, что «каждый историческій народъ живетъ *для того, чтобъ* «дать возможно полное проявленіе и развитіе тѣмъ способностямъ и свой-«ствамъ, которыми надѣлила его природа (!), чтобы создать особую культуру, «принести и свою лепту въ сокровищницу общечеловѣческой образованности» — значитъ переносить въ науку свои задушевныя, и можетъ-быть, весьма благородныя желанія и этими задушевными и благородными желаніями и созданіями фантазіи объяснять явленія, — значитъ забывать, что развитіе науки (другое дѣло—проповѣди и мечты идеалистическихъ дѣятелей) состоитъ изъ вопросовъ «почему?» (а не «для чего?») и изъ отвѣтовъ: «потому что» (а не «для того, чтобъ»). Ученые этого ненаучнаго направленія общій характеръ всѣхъ проявленій извѣстнаго народа, обусловленныхъ его природою и внѣшними вліяніями, что́ называется обыкновенно культурою и цивилизаціей, объясняютъ какимъ-то съ облаковъ слетѣвшимъ «призваніемъ». Эти апостолы всевозможныхъ демоническихъ силъ весьма охотно говорятъ о «духѣ народа», «духѣ языка», «духѣ времени» (объясняя, напримѣръ, духомъ времени отдѣльныя явленія) и т. п., не помня того, вполнѣ справедливаго, замѣчанія Гёте:

Was ihr den Geist der Zeiten heisst,
Das ist im Grund der Herren eigener Geist.

Человѣкъ, думающій положительно, ставитъ себѣ прежде всего вопросъ: aut... aut, то-есть, или допустить цѣлесообразность, призваніе, свободную волю, случай *), догматъ и т. п. прекрасныя вещи какъ основаніе для объясненія явленій, или же не допустить ихъ. Если мы хоть одинъ разъ только станемъ объяснять самое ничтожное явленіе цѣлесообразностью, призваніемъ, свободною волею, случаемъ, догматомъ и т. п., то послѣдовательно мы должны будемъ допускать и всегда такое же объясненіе, и такимъ образомъ, видя въ дѣйствительности только кучу несвязныхъ и ничѣмъ не соединенныхъ явленій, уничтожать всякую причинность, уничтожать всякую науку. Еще разъ повторяю, что принимать возможность безпричинныхъ явленій и въ одно и то же время не отвергать науки невозможно послѣдовательному уму. Наука не дѣлаетъ ни малѣйшихъ уступокъ: она требуетъ холоднаго, свободнаго отъ предразсудковъ, отвлеченнаго мышленія.

---

*) Употребляемыя и въ строго-научномъ языкѣ выраженія «случайно», «случайное сходство» и т. п. обозначаютъ, что или причина явленій пока неизвѣстна, или между нѣсколькими явленіями замѣчается сходство, хотя они не состоятъ ни въ какой генетической и вообще естественной связи.

и созвучій, обусловленное органическимъ устройствомъ народа и подверженное безпрестанному вліянію силы косности (vis inertiae);

2) *чутье языка* народомъ. Чутье языка народомъ не выдумка, не субъективный обманъ, а категорія (функція) дѣйствительная, положительная, которую можно опредѣлить по ея свойствамъ и дѣйствіямъ, подтвердить объективно, доказать фактами.

Борьба всѣхъ выше исчисленныхъ силъ обусловливаетъ развитіе языка. Разумѣется, что этой борьбы и вообще дѣйствія силъ въ языкѣ не слѣдуетъ понимать олицетворительно, такъ какъ наука оперируетъ не миѳами, а чистыми представленіями и чистыми понятіями. Какъ законы, такъ и силы—не существа, даже не факты, а продукты умственной дѣятельности человѣка, имѣющіе цѣлью обобщить и связать факты и найдти для нихъ общее выраженіе, общую формулу. Это не демоническія идеи, рекомендуемыя философами извѣстнаго направленія, а видовыя понятія (Artbegriffe), которыя тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе явленій можно подогнать подъ нихъ, объяснить ими. Съ другой стороны, эти законы и силы, какъ и всѣ вообще понятія и умственныя категоріи, не единичны въ своемъ составѣ, а являются равнодѣйствующими безчисленнаго множества соприкасающихся представленій и понятій.

Я воздерживаюсь отъ болѣе подробнаго разбора силъ и законовъ, такъ какъ 1) нѣтъ для этого времени, и такъ какъ 2) это собственно предметъ логики, какъ науки, разсматривающей условія познаванія и отвлеченной умственной дѣятельности вообще, и ограничусь только вопросомъ: можно ли общія категоріи языковѣдѣнія [1]) считать законами и силами, въ сравненіи съ законами и силами, разборомъ которыхъ занимается физика и другія естественныя науки? Разумѣется, можно; ибо и силы и законы естественныхъ наукъ не что иное, какъ объединяющіе продукты умственной дѣятельности, какъ болѣе или менѣе удачныя обобщенія. Все превосходство ихъ въ томъ, что простота подходящихъ подъ нихъ явленій и фактовъ и болѣе продолжительное существованіе самихъ наукъ дозволили примѣнить къ нимъ

[1]) Нужно различать категоріи языковѣдѣнія отъ категорій языка: первыя представляютъ чистыя отвлеченія; вторыя—же то, что̀ живетъ въ языкѣ, какъ звукъ, слогъ, корень, основа (тема), окончаніе, слово, предложеніе, разныя категоріи словъ и т. п. Категоріи языка суть также категоріи языковѣдѣнія, но категоріи, основанныя на чутьѣ языка народомъ и вообще на объективныхъ условіяхъ безсознательной жизни человѣческаго организма, между тѣмъ какъ категоріи языковѣдѣнія въ строгомъ смыслѣ суть по преимуществу абстракціи.

им. А. М. Горького
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

математическія вычисленія и этимъ придать имъ высокую ясность и точность, между тѣмъ какъ очень сложные процессы, совершающіеся въ языкѣ, и недавнее существованіе самой науки языковѣдѣнія задерживаютъ ея обобщенія на степени большей или меньшей шаткости и непостоянства. Это однакожь не должно насъ смущать, потому что и общія категоріи новѣйшаго направленія біологическихъ естественныхъ наукъ (зоологіи и ботаники) ничуть не точнѣе и не яснѣе въ своихъ примѣненіяхъ: и онѣ являются только болѣе или менѣе удачными обобщеніями, а вовсе не силами и законами, если обсуждать ихъ съ тою требовательностью, къ какой мы привыкли при разборѣ законовъ и силъ, составляющихъ принадлежность астрономіи, физики, химіи и пр.

Изъ выше изложеннаго видно, что въ языкѣ сочетаются въ неразрывной связи два элемента: *физическій* и *психическій* (разумѣется, этихъ выраженій нельзя принимать въ смыслѣ метафизическаго различія, а должно разумѣть ихъ просто какъ видовыя понятія). Силы и законы и вообще жизнь языка основываются на процессахъ, отвлеченнымъ разборомъ которыхъ занимаются физіологія (съ анатоміею съ одной и съ акустикою съ другой стороны) и психологія. Но эти физіологическія и психологическія категоріи проявляются здѣсь въ строго-опредѣленномъ объектѣ, изслѣдованіемъ котораго занимается исторически-развившееся языковѣдѣніе: большей части вопросовъ, которыми задается изслѣдователь языка, никогда не касаются ни физіологъ, ни психологъ, сталобыть, и языковѣдѣніе слѣдуетъ признать наукою самостоятельною, не смѣшивая его ни съ физіологіей, ни съ психологіей. Такъ же точно физіологія изслѣдуетъ въ примѣненіи къ цѣльнымъ организмамъ тѣ же процессы, законы и силы, отвлеченнымъ разборомъ которыхъ занимаются физика и химія; однакожь все таки никто не уничтожаетъ ея въ пользу этихъ послѣднихъ наукъ [1]).

Опредѣливъ, хотя только самымъ приблизительнымъ и неточнымъ образомъ, родъ занятій нашей науки и научное направленіе, наиболѣе соотвѣтствующее современному ея пониманію, я постараюсь начер-

---

[1]) Ср. между прочимъ: Theodor *Benfey*, Geschichte der Sprachwissenschaft и т. д., стр. 8—9.—Впрочемъ всѣ науки составляютъ въ общемъ только одну науку, предметомъ которой служитъ дѣйствительность. Отдѣльныя науки являются слѣдствіемъ стремленія къ раздѣленію труда, основывающемуся однакожь на объективныхъ данныхъ, то-есть, на большемъ или меньшемъ сходствѣ и родствѣ явленій, фактовъ и научныхъ вопросовъ.

тать планъ ея внутренней организаціи, то-есть, представить вамъ, господа, ея общее раздѣленіе, какъ оно развилось исторически [1]).

Прежде всего нужно отличить *чистое языковѣдѣніе*, языковѣдѣніе само по себѣ, предметомъ котораго служитъ самъ языкъ, какъ сумма въ извѣстной степени однородныхъ фактовъ, подходящихъ въ своей общности подъ категорію такъ-называемыхъ проявленій жизни человѣчества, — и языковѣдѣніе *прикладное*, предметъ котораго составляетъ примѣненіе данныхъ чистаго языковѣдѣнія къ вопросамъ изъ области другихъ наукъ.

Чистое языковѣдѣніе распадается на два обширные отдѣла:

А. Всесторонній разборъ положительно данныхъ, уже сложившихся языковъ.

Б. Изслѣдованіе о началѣ слова человѣческаго, о первобытномъ образованіи языковъ и разсмотрѣніе общихъ психически-физіологическихъ условій ихъ безпрерывнаго существованія [2]).

---

[1]) Кромѣ настоящаго языковѣдѣнія, какъ изслѣдованія языка, въ кругъ занятій лингвистовъ входятъ два рода оставленныхъ здѣсь въ сторонѣ упражненій человѣческаго ума: 1) *исторія языковѣдѣнія* (изслѣдованіе развитія лингвистическихъ понятій и ихъ осуществленія въ литературѣ и преподавательской дѣятельности), составляющая часть общей исторіи всѣхъ наукъ, но принадлежащая спеціально и всецѣло изслѣдователямъ языка, такъ какъ а) только они могутъ питать длян ея особенный интересъ, и такъ какъ б) только у нихъ можетъ найдтись достаточная подготовка для того, чтобы представить исторію ихъ же науки надлежащимъ образомъ; и 2) лингвистическая пропедевтика, *методика*, теорія научнаго искусства, теорія технической стороны языковѣдѣнія, задача которой состоитъ въ представленіи лучшаго способа заниматься наукою и совершенствовать ее во всѣхъ отношеніяхъ (въ представленіи правилъ изученія, изслѣдованія и изложенія).

[2]) Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ вопросѣ изъ области методики языковѣдѣнія, такъ какъ это можетъ способствовать болѣе точному опредѣленію свойствъ задачъ и вопросовъ, разсматриваемыхъ и изслѣдуемыхъ въ отдѣльныхъ частяхъ чистой науки языковѣдѣнія. Это вопросъ о собираніи матеріала и подготовительныхъ ученыхъ операціяхъ, совершаемыхъ въ томъ и въ другомъ отдѣлѣ этой науки.

Матеріалъ для перваго, положительнаго, отдѣла чистаго языковѣдѣнія представляетъ три категоріи:

1) Непосредственно данный матеріалъ, *живые языки* народовъ во всемъ ихъ разнообразіи. Такой матеріалъ представляютъ языки, живущіе и въ настоящее время и доступные изслѣдователю. Сюда слѣдуетъ отнести народный языкъ во всей его полнотѣ, разговорный языкъ (рѣчь) всѣхъ слоевъ общества даннаго народа, не только тѣхъ, которые ходятъ въ сермягахъ и зипунахъ, но и тѣхъ, чтò носятъ сюртуки, не только языкъ такъ-называемаго простонародья, но и раз-

А. *Положительное языковѣдѣніе* раздѣляется на двѣ части: I) въ первой языкъ разсматривается какъ составленный изъ частей, то-есть, какъ сумма разнородныхъ категорій, находящихся между собою въ

говорный языкъ такъ-называемаго образованнаго класса. [Въ новѣйшее время замѣтно стремленіе, считать живымъ и достойнымъ вниманія науки языкомъ только языкъ крестьянъ и т. п., а на языкъ презираемой «гнилой интеллигенціи» не обращать никакого вниманія. Это находится въ связи съ моднымъ въ настоящее время заочнымъ платоническимъ поклоненіемъ господина во фракѣ мужику. Причиною же тому вѣчная конкретность и неспособность ученой толпы различать надлежащимъ образомъ теорію и практику. Явленія жизни народной объясняются въ наукѣ очень удачно безсознательными силами, слѣдовательно, на практикѣ необходимо идолопоклонство передъ безсознательными силами: народъ «въ массѣ» никогда не ошибается (vox populi — vox dei), индивидуальность вредна, и ее необходимо уничтожать въ объективномъ разумѣ толпы. [Впрочемъ, не только такъ-называемое простонародье, но и другіе классы народа живутъ гораздо болѣе какъ толпа, какъ стадо, нежели индивидуально. Особенно теперешнее время не очень-то богато истинными своеобразно и вполнѣ сознательно и самостоятельно дѣйствующими, оригинальными, выдающимися личностями.] Напротивъ того, XVIII вѣкъ объяснялъ все преимущественно сознаніемъ и свободною волею; слѣдовательно, тогда ученая толпа поклонялась индивидуальному уму и разуму].—Въ составъ этого рода матеріала входитъ языкъ всѣхъ безъ исключенія сословій: мазуриковъ, уличныхъ мальчишекъ, торговцевъ (напримѣръ, офеней), охотниковъ, мастеровыхъ, рыбаковъ и т. д., языкъ разныхъ возрастовъ (дѣтей, взрослыхъ, стариковъ и т. п.) и извѣстныхъ состояній человѣка (сообразно обстоятельствамъ жизни, напр. языкъ беременныхъ женщинъ и т. п.); языкъ личностей, языкъ индивидуальный, языкъ семей и т. д. и т. д. Кромѣ того—сюда принадлежатъ названія мѣстностей, личныя имена и т. п.; слѣды вліянія даннаго языка на иностранные и на оборотъ (нѣчто въ родѣ языковыхъ окаменѣлостей) и т. д.

2) *Памятники* языка (въ хронологическомъ порядкѣ), письменность, литература, не въ смыслѣ эстетическомъ или культурномъ, а просто всѣ слѣды языка въ какихъ бы то ни было начертаніяхъ. И теперешняя литература языковъ настоящаго времени представляетъ только памятники, а не самый языкъ. При памятникахъ давно минувшихъ временъ *палеографія* является необходимою помощницей языковѣдѣнія. По памятникамъ нельзя никогда заключать вполнѣ о языкѣ соотвѣтствующаго времени, и данныя, почерпнутыя изъ ихъ изслѣдованія, нужно дополнять разсмотрѣніемъ строя и состава даннаго языка въ нынѣшнемъ его состояніи, если онъ существуетъ, а если нѣтъ, то посредствомъ дедуктивныхъ соображеній и сравненія съ другими языками. Обыкновенно вѣрнѣе передаютъ состояніе языка памятники народа не столь цивилизованнаго, нежели памятники народа литературно-объединеннаго и создавшаго себѣ искусственный литературный языкъ и искусственное правописаніе. Съ этой точки зрѣнія и въ настоящее время важнымъ матеріаломъ для языковѣдѣнія служатъ, напримѣръ, письма лицъ, не знающихъ правилъ правописанія и вообще неграмотныхъ и необразованныхъ, непосредственныхъ.—Памятники состоятъ не только изъ цѣльныхъ

тѣсной органической (внутренней) связи;—II) во второй же языки, какъ цѣлые, изслѣдуются по своему родству и формальному сходству. Первая часть—*грамматика*, какъ разсмотрѣніе строя и состава языка (анализъ

произведеній на извѣстномъ языкѣ, но также изъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, попавшихъ въ иностранную среду (ср. О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. *Бодуэна-де-Куртенэ*. Лейпцигъ, 1870, §§ 1—3).—Если изслѣдованіе живаго языка можно справедливо сравнить съ зоологіей и ботаникой, то за то сравненіе разбора памятниковъ съ палеонтологіей будетъ совершенно не точно, такъ какъ языкъ не организмъ и слова не части организма; слѣдовательно, они не могутъ оставлять видимыхъ отпечатковъ, реальныхъ знаковъ (слѣдовъ) своего существованія (окаменѣлостей), какъ организмы или части организмовъ животныхъ и растеній. Памятники представляютъ только условные, номинальные видимые знаки (начертанія) слышимыхъ звуковъ языка, и потому по нимъ о языкѣ можно заключать только аналогически. Лингвистъ не имѣетъ передъ глазами строя даже живыхъ языковъ (хотя слышитъ ихъ звуки), и долженъ только чрезъ сопоставленіе и разныя научныя соображенія составить себѣ о немъ понятіе, между тѣмъ какъ натуралистъ даже строй мертвыхъ отдѣльныхъ организмовъ можетъ иногда воссоздать по ихъ рельефнымъ слѣдамъ (окаменѣлостямъ).

Совершаемыя на матеріалѣ, данномъ живыми языками и памятниками, приготовительныя ученыя операціи состоятъ въ наглядномъ представленіи всего положительно даннаго богатства языковъ помощью изданія ихъ образцовъ и памятниковъ, помощью составленія описательныхъ грамматикъ и словарей.

3) Посредственный матеріалъ для аналогическихъ умозаключеній и выводовъ о данномъ языкѣ представляютъ: а) языкъ дѣтей, говорящихъ этимъ языкомъ (разсмотрѣніе языка дѣтей бросаетъ свѣтъ на образованіе звуковъ, ихъ чередованіе и т. п., чутье корня и т. п.; стремленіе къ диференцировкѣ и т. п.); б) наблюденіе индивидуальныхъ природныхъ недостатковъ въ произношеніи; в) наблюденіе надъ произношеніемъ глухонѣмыхъ; г) изученіе, какъ произносятъ иностранцы слова извѣстнаго языка и вообще какъ они относятся къ этому языку (это проливаетъ свѣтъ на природу одного языка въ отличіе отъ другаго, какъ на природу разбираемаго языка, такъ и на природу языковъ иностранныхъ).

Что касается втораго отдѣла чистаго языковѣдѣнія: изслѣдованія о началѣ слова человѣческаго, о первобытномъ образованіи языковъ и т. п., то здѣсь мы не встрѣчаемъ непосредственнаго матеріала и должны довольствоваться матеріаломъ посредственнымъ, который позволяетъ намъ дѣлать аналогическія умозаключенія и выводы:

1) Индивидуальное развитіе проливаетъ свѣтъ на начало и первобытное образованіе языка, такъ какъ изъ естественныхъ наукъ извѣстно, что индивидуумъ повторяетъ въ сокращеніи всѣ видоизмѣненія породы, вида и рода. Это будетъ преимущественно наблюденіе надъ младенцемъ, переходящимъ въ возрастъ ребенка, начинающимъ лепетать (съ самыхъ раннихъ поръ, съ самыхъ первыхъ попытокъ, какъ задатковъ будущаго языка). Сдѣланныя при этомъ замѣчанія можно mutatis mutandis перенести въ эпоху первобытнаго образованія слова человѣческаго. Однако же

языковъ), вторая—*систематика*, классификація. Первую можно сравнить съ анатоміей и физіологіей, вторую съ морфологіей растеній и животныхъ въ ботанико-зоологическомъ смыслѣ [1]). Разумѣется, что какъ

аналогическія заключенія въ этомъ направленіи должны быть дѣлаемы съ большою осторожностью, такъ какъ нашъ ребенокъ отличается отъ первобытнаго человѣка, начинавшаго и начавшаго говорить: 1) зоологически: а) въ собирательномъ отношеніи—другая степень въ развитіи generis homo, другое устройство мозга и нервной системы вообще; б) индивидуально—другая степень въ развитіи индивидуальномъ, другой возрастъ; 2) ребенокъ находитъ вокругъ себя людей говорящихъ и готовый языкъ, между тѣмъ какъ совершаемый въ теченіе многихъ поколѣній процессъ нарожденія языка основывался именно на все большемъ и большемъ развитіи каждымъ поколѣніемъ скудныхъ задатковъ языка, унаслѣдованныхъ отъ предковъ; нашъ ребенокъ сразу встрѣчаетъ уже готовыя извѣстныя культурныя отношенія, между тѣмъ какъ первобытный человѣкъ жилъ въ строгой неразрывной связи съ природою и подчинялся ея вліянію вполнѣ страдательно.

2) Сравненіе различныхъ степеней культуры и умственнаго развитія разныхъ породъ людей и народовъ въ настоящее время приводитъ насъ къ убѣжденію, что теперешнее состояніе человѣчества представляетъ на лицо въ одно и то же время различные фазисы его постепеннаго развитія (ср. одновременное существованіе въ одномъ и томъ же обществѣ дѣтей, юношей, взрослыхъ, стариковъ и т. д.). Здѣсь мы можемъ отъ полунѣмыхъ дикарей подыматься вверхъ по лѣстницѣ постояннаго совершенствованія къ той степени, на которой стоитъ кавказское племя (раса). Для того, чтобы составить себѣ хоть приблизительное представленіе о первобытномъ состояніи языка вообще, очень поучительно изслѣдовать языковое состояніе дикарей. Если изслѣдователю не возможно совершить это посредствомъ собственнаго наблюденія, онъ долженъ черпать свои свѣдѣнія изъ лингвистическихъ трудовъ, другихъ ученыхъ и изъ достовѣрныхъ описаній путешественниковъ.

3) Изучая ходъ развитія данныхъ языковъ и подмѣчая общія направленія въ этомъ развитіи, мы въ правѣ продолжить назадъ линію постепенныхъ измѣненій, и такимъ образомъ дѣлать болѣе или менѣе опредѣленныя заключенія о времени первобытнаго образованія языковъ, даже находящихся на самой позднѣйшей степени развитія. И вообще необходимо допустить, что многое, составлявшее сущность первобытнаго состоянія языковъ, повторяется и въ историческихъ данныхъ языкахъ, хотя бы только въ рудиментарномъ видѣ.

Всѣ эти посредственныя наблюденія, имѣющія цѣлью возсоздать въ наукѣ первобытное образованіе языковъ, должны быть подкрѣпляемы анатомически-физіологическимъ разборомъ нервной системы человѣка, и даже основываться на результатахъ этого разбора (рефлексивныя движенія и т. п.).

[1]) Этого сравненія нельзя, конечно, принимать въ строго буквальномъ смыслѣ уже потому, что, какъ мы ниже увидимъ, языкъ не организмъ, а анатомія и физіологія, равно какъ и морфологія организмовъ, занимаются дѣйствительными организмами. Вѣрность сравненія обусловлена здѣсь тожественностью и сходствомъ умственныхъ операцій, совершаемыхъ въ той и другой области.

вездѣ въ природѣ и въ наукѣ, такъ и здѣсь нѣтъ рѣзкихъ предѣловъ, и изслѣдованія въ одной части обусловливаются и основываются на данныхъ изъ области другой части. Для разбора строя и состава извѣстнаго языка съ одной стороны очень полезно, даже необходимо знать, къ какой категоріи языковъ въ формальномъ отношеніи принадлежитъ этотъ языкъ; съ другой же стороны, для объясненія его явленій соотвѣтственными явленіями языковъ родственныхъ, нужно опредѣлить, часть которой семьи и отрасли составляетъ этотъ данный языкъ. Подобнымъ образомъ только разсмотрѣніе строя и состава языковъ даетъ прочное основаніе для ихъ классификаціи.

I. Сообразно постепенному анализу языка можно раздѣлить *грамматику* на три большія части: 1) фонологію (фонетику) или звукоученіе, 2) словообразованіе въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова и 3) синтаксисъ.

1. Первымъ условіемъ успѣшнаго *изслѣдованія звуковъ* слѣдуетъ считать строгое и сознательное различеніе звуковъ отъ соотвѣтствующихъ начертаній; а такъ какъ ни за одною орѳографіей нельзя признать полной послѣдовательности и точности въ обозначеніи звуковъ и ихъ сочетаній, и такъ какъ, съ другой стороны, ложный способъ воспитанія и постоянная практика развиваютъ, или справедливѣе говоря, не устраняютъ сбивчивости въ понятіяхъ, основывающейся на первоначальной конкретности человѣческаго міросозерцанія, то для исполненія выше приведеннаго условія необходимо при разборѣ звуковъ думать постоянно параллелями: одинъ членъ такой параллели — звукъ или созвучіе, другой — соотвѣтствующее ему въ данномъ случаѣ начертаніе, буква или же сочетаніе буквъ. — Предметъ *фонетики* составляетъ:

а) разсмотрѣніе звуковъ съ чисто-*физіологической* точки зрѣнія, естественныя условія ихъ образованія, ихъ развитія, и ихъ классификація, ихъ раздѣленіе (уже здѣсь нельзя разсматривать языкъ въ отвлеченіи отъ человѣка, а напротивъ того слѣдуетъ считать звуки акустическими продуктами человѣческаго организма) [1]);

[1]) Научное изслѣдованіе звуковъ языка съ физической точки зрѣнія необходимо основывать на результатахъ физіологіи и акустики. Нѣкоторые изслѣдователи языка не хотятъ ничего знать объ акустикѣ и физіологіи, довѣряясь при разсмотрѣніи звуковъ собственнымъ грамматическимъ силамъ. Я думаю, что, занимаясь научнымъ изученіемъ извѣстнаго предмета, слѣдуетъ знакомиться со всевозможными изслѣдованіями того же предмета и не отказываться отъ результатовъ другихъ, для насъ вспомогательныхъ наукъ. Иначе прійдется постоянно совершать трудъ Сизифа, или говоря проще, воду толочь.

б) роль звуковъ въ механизмѣ языка, ихъ значеніе для чутья народа, не всегда совпадающее съ соотвѣтственными категоріями звуковъ по ихъ физическому свойству, и обусловленное съ одной стороны физіологическою природой, а съ другой происхожденіемъ, исторіей звуковъ; это разборъ звуковъ съ *морфологической*, словообразовательной точки зрѣнія. Наконецъ, предметъ фонетики составляетъ

в) генетическое развитіе звуковъ, ихъ исторія, ихъ этимологическое и строго морфологическое сродство и соотвѣтствіе, — это разборъ звуковъ съ точки зрѣнія *исторической*.

Первая физіологическая и вторая морфологическая части фонетики изслѣдуютъ и разбираютъ законы и условія жизни звуковъ въ состояніи языка въ одинъ данный моментъ (статика звуковъ), третья же часть — историческая — законы и условія развитія звуковъ во времени (динамика звуковъ).

2. Раздѣленіе *словообразованія* или морфологіи соотвѣтствуетъ постепенному развитію языка: оно воспроизводитъ три періода этого развитія (односложность, агглютинацію или свободное сопоставленіе и флексію). Части морфологіи суть слѣдующія:

а) наука о корняхъ — *этимологія;*

б) наука о *темообразованіи*, о словообразовательныхъ суффиксахъ съ одной и о темахъ или основахъ съ другой стороны;

в) наука о *флексіи* или объ окончаніяхъ и о полныхъ словахъ, какъ они представляются въ языкахъ на высшей степени развитія, въ языкахъ флексивныхъ.

Какъ вездѣ въ природѣ и въ наукѣ, такъ и здѣсь трудно установить строгіе предѣлы, и подчасъ трудно рѣшить, въ какой части слѣдуетъ разсматривать извѣстный вопросъ. Но вѣдь и постепенный переходъ отъ низшихъ степеней развитія къ высшимъ (то-есть, отъ предшествующихъ къ послѣдующимъ) совершался не скачками, а медленно, постепенно, незамѣтно.

3. *Синтаксисъ* или словосочиненіе (словосочетаніе) разсматриваетъ слова какъ части предложеній и опредѣляетъ ихъ именно по отношенію къ связной рѣчи или предложеніямъ (основаніе для раздѣленія частей рѣчи); оно занимается значеніемъ словъ и формъ въ ихъ взаимной связи. Съ другой стороны, оно подвергаетъ своему разбору и цѣлыя предложенія какъ части бо́льшихъ цѣлыхъ и изслѣдуетъ условія ихъ сочетанія и взаимной связи и зависимости.

Какъ не всѣ части анатоміи примѣнимы ко всѣмъ организмамъ, какъ напримѣръ, остеологія возможна только при изслѣдованіи по-

звоночныхъ, такъ же точно и при разсмотрѣніи многихъ языковъ нужно совершенно исключить нѣкоторыя изъ выше исчисленныхъ частей грамматики. Такъ, напримѣръ, изслѣдованіе односложныхъ языковъ, главный представитель которыхъ языкъ китайскій, сводится только къ фонетикѣ и своеобразному синтаксису; изъ словообразованія остается только своеобразная этимологія, то-есть, разборъ своеобразныхъ корней.

При граматическомъ разсмотрѣніи языка необходимо соблюдать *хронологическій* принципъ, то-есть, принципъ объективности по отношенію къ совершающемуся во времени генетическому развитію языка. Этотъ принципъ генетической объективности можно выразить тремя слѣдующими положеніями:

Положеніе 1-е. Данный языкъ не родился внезапно, а происходилъ постепенно въ теченіе многихъ вѣковъ: онъ представляетъ результатъ своеобразнаго развитія въ разные періоды. Періоды развитія языка не смѣнялись поочередно, какъ одинъ караульный другимъ, но каждый періодъ создалъ что-нибудь новое, что при незамѣтномъ переходѣ [1]) въ слѣдующій составляетъ подкладку для дальнѣйшаго развитія. Такіе результаты работы различныхъ періодовъ, замѣтные въ данномъ состояніи извѣстнаго объекта, въ естественныхъ наукахъ называются слоями: примѣняя это названіе къ языку, можно говорить о *слояхъ* языка, выдѣленіе которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ языковѣдѣнія [2]).

---

[1]) Незамѣтный переходъ одного состоянія въ другое, незамѣтное развитіе, незамѣтное вліяніе медленно, но основательно дѣйствующихъ силъ, какъ въ языкѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ проявленіяхъ жизни, можно выразить алгебраическою формулой $0 \times \infty = m$, то-есть, что безконечно малое измѣненіе, произведенное въ одинъ моментъ, повторившись безконечное число разъ, даетъ наконецъ извѣстную замѣтную опредѣленную перемѣну. Такъ объясняется теченіе времени, увеличеніе пространства, дѣйствіе на камень капель воды, безпрерывно падающихъ на одно и то же мѣсто, вліяніе ядовъ, переходъ отъ сна къ бодрствованію и наоборотъ, переходъ эмбріона въ живаго человѣка, медленный переходъ отъ жизни извѣстнаго организма къ его смерти, паденіе государствъ и другихъ опредѣленныхъ политическихъ и общественныхъ проявленій и т. д. Вездѣ есть какой-то неуловимый критическій моментъ, рѣшающій такъ или иначе: все прошедшее или пропадаетъ какъ будто безслѣдно, или же оставляетъ замѣтные слѣды своего вліянія.

[2]) Первую попытку сформулировать по своему и собрать въ одно цѣлое разбросанныя изслѣдованія по этой части въ примѣненіи къ языкамъ индоевропейскимъ и выдѣлить въ общихъ чертахъ отдѣльные слои образованія этихъ языковъ, представляетъ разсужденіе: Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung von Georg *Curtius*, etc. Des V Bandes der *Abhandlungen* der philolo-

Положеніе 2-е. Механизмъ языка и вообще его строй и составъ въ данное время представляютъ результатъ всей предшествовавшей ему исторіи, всего предшествовавшаго ему развитія, и наоборотъ этимъ механизмомъ въ извѣстное время обусловливается дальнѣйшее развитіе языка.

Положеніе 3-е. Крайне неумѣстно измѣрять строй языка въ извѣстное время категоріями какого-нибудь предшествующаго или послѣдующаго времени. Задача изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобы подробнымъ разсмотрѣніемъ языка въ отдѣльные періоды опредѣлить его состояніе, сообразное съ этими періодами, и только въ послѣдствіи показать, какимъ образомъ изъ такого-то и такого-то строя и состава предшествующаго времени могъ развиться такой-то и такой-то строй и составъ времени послѣдующаго. То же требованіе генетической объективности вполнѣ примѣнимо и къ изслѣдованію разныхъ языковъ вообще: видѣть въ извѣстномъ языкѣ безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей категоріи другаго языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждыя ему категоріи и должна отыскивать въ немъ только то, что̀ въ немъ живетъ, обусловливая его строй и составъ [1]).

Представленіе грамматическихъ вопросовъ можетъ быть двоякимъ: или преимущественно въ порядкѣ категорій науки, въ порядкѣ однородныхъ научныхъ вопросовъ, или же преимущественно въ порядкѣ

---

gisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften № III. Leipzig 1867. Курціусъ различаетъ семь главныхъ періодовъ образованія (Organisation) индоевропейскихъ языковъ: 1) періодъ корней (Wurzelperiode), 2) періодъ коренныхъ опредѣлителей (Determinativperiode), 3) періодъ первичныхъ глаголовъ (primäre Verbalperiode), 4) періодъ образованія темъ (основъ) (Periode der Themenbildung), 5) періодъ сложныхъ глагольныхъ формъ (Periode der zusammengesetzten Verbalformen), 6) періодъ образованія падежей (Periode der Casusbildung), 7) періодъ нарѣчій (Adverbialperiode). Однимъ изъ главныхъ результатовъ его изслѣдованія является положеніе, что языкъ примѣнялъ тѣ же средства въ разныя времена совершенно другимъ образомъ (dass die Sprache dieselben Mittel zu verschiedenen Zeiten in ganz verschiedener Weise verwendete) (стр. 193). И разныя перемѣны однихъ и тѣхъ же звуковъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ можно объяснить только разными эпохами этихъ перемѣнъ.

[1]) Въ связи съ этимъ состоитъ то заблужденіе многихъ ученыхъ, что они при генетической классификаціи безпечно сравниваютъ между собою языки, стоящіе не на соотвѣтствующихъ другъ другу степеняхъ развитія, напримѣръ, санскритъ и славянскій, или даже санскритъ и англійскій, — одинъ самый древній, другой самый новый изъ всѣхъ индоевропейскихъ.

генетическаго развитія самаго объекта [1]). Первое подбираетъ сходныя явленія въ разныхъ областяхъ рѣчи человѣческой, или вообще во всѣхъ доступныхъ изслѣдователю языкахъ, или же въ строго опредѣленной группѣ языковъ (или даже въ одномъ языкѣ) и имѣетъ конечною цѣлью сформулировать и опредѣлить общія категоріи, законы и силы, тѣмъ же самымъ объясняя многія явленія языка. Другой способъ представленія придерживается естественнаго теченія въ области языка, и отвлекая и систематизируя лишь на столько, сколько необходимо вообще для науки, въ остальномъ рисуетъ научную картину развитія объекта (или съ незапамятныхъ временъ по послѣднее или же только въ извѣстный опредѣленный періодъ). Это—*внутренняя исторія* языка или языковъ, которую необходимо отличать отъ внѣшней ихъ исторіи [2]), разсматривающей языкъ въ отношеніи этнологиче-

---

[1]) Сообразно съ двумя главными сторонами задачи индуктивныхъ наукъ (ср. выше): при второмъ способѣ преимущественно обобщаются явленія и объясняются во взаимной связи и генетической зависимости, при первомъ же способѣ преимущественно отыскиваются законы и силы и общія категоріи вообще.

[2]) Внѣшняя исторія языка тѣсно связана съ судьбами его носителей, то-есть, съ судьбами говорящихъ имъ индивидуумовъ, съ судьбами народа. Въ кругъ ея изслѣдованій входитъ распространеніе языка, какъ географическое, такъ и этнографическое, общее вліяніе иностранныхъ языковъ на данный языкъ и на оборотъ, рѣшеніе вопросовъ, употребляется ли данный языкъ и какъ литературный, или же онъ живетъ только въ народѣ, какимъ сословіямъ принадлежатъ люди, говорящіе извѣстнымъ языкомъ, въ большомъ ли ходу языкъ (если онъ, разумѣется, литературный) за своими собственными предѣлами, какъ по отношенію къ пространству (французскій, нѣмецкій, англійскій, и вообще такъ-называемые универсальные языки), такъ и по отношенію ко времени (латинскій, греческій, церковно-славянскій), и если онъ въ употребленіи у другихъ народовъ, то для какихъ именно цѣлей, и т. д. и т. д.—вотъ вопросы, принадлежащіе внѣшней исторіи языка. Внутренняя же исторія языка занимается развитіемъ языка самаго по себѣ, жизнью языка, разумѣется, не отвлекая его неестественнымъ образомъ отъ его носителей, отъ людей, а напротивъ того понимая его всегда въ связи съ физическою и психическою организаціей говорящаго имъ народа. Но она не заботится о судьбахъ языка, а только обращаетъ вниманіе на перемѣны, происходящія внутри его же самаго. Внутренняя исторія языка изслѣдуетъ, какъ народъ говоритъ въ извѣстное время или же въ теченіе многихъ вѣковъ, и почему такъ говоритъ, внѣшняя—сколько людей говоритъ и когда (границы языка). Первое соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе категоріи качества, второе—количества. Точно также необходимо различать качество и количество, высшую или низшую степень познаній извѣстнаго народа (или другаго человѣческаго общества) въ общемъ его составѣ съ одной, и распространеніе этихъ познаній между людьми, между отдѣльными членами народа или другаго человѣческаго общества — съ другой стороны.—Внѣшняя и внутренняя исторія языка (объектъ науки, а не наука)

скомъ, стало-быть, изслѣдующей только судьбы его носителей, и такимъ образомъ составляющей одну часть прикладнаго языковѣдѣнія, а именно приложеніе систематики къ этнографіи и этнологіи (слѣдовательно, состоящей въ примѣненіи данныхъ языковѣдѣнія къ вопросамъ изъ области другой науки). Обыкновенныя грамматики разныхъ языковъ берутъ только извѣстный моментъ исторіи языка и стараются представить его состояніе въ этотъ моментъ. Но истинно научными онѣ могутъ быть, только разсматривая этотъ извѣстный моментъ въ связи съ полнымъ развитіемъ языка.

Современное языковѣдѣніе стоитъ уже на той степени научнаго совершенства, что, изслѣдовавъ съ надлежащею точностью по положительнымъ даннымъ все прошедшее развитіе извѣстнаго языка, тщательно подмѣчая вновь появляющіяся въ немъ стремленія и опираясь на аналогію другихъ языковъ, оно можетъ предсказать въ общемъ внутреннюю будущность этого даннаго языка или же воссоздать прошлое, отъ котораго не осталось никакихъ памятниковъ [1]). За неимѣніемъ времени я не стану приводить примѣровъ, тѣмъ болѣе что въ самомъ же курсѣ не разъ представится случай обратить

вліяютъ взаимно другъ на друга. Вліяніе внѣшней на внутреннюю кажется сильнѣе, чѣмъ на оборотъ. Отъ вліянія иностранныхъ языковъ, отъ литературной обработки языка, отъ рода занятій людей, говорящихъ даннымъ языкомъ, отъ географическихъ условій страны, ими обитаемой, и т. п. зависитъ ускореніе или замедленіе и своеобразность внутренняго развитія языка. Вліяніе внутренней исторіи языка на внѣшнюю сводится болѣе или менѣе къ ускоренію или замедленію развитія литературы вслѣдствіе большей или меньшей податливости языка (вліяніе впрочемъ небольшое) и къ вопросу о перемѣняемости языка (къ вопросу, когда именно языкъ измѣнился уже на столько, что его слѣдуетъ, по отношенію къ извѣстной, болѣе древней эпохѣ, считать уже не тѣмъ же языкомъ, но его потомкомъ (говоря олицетворительно), и къ вопросу, можно ли считать извѣстныя нарѣчія частями одного языка или же самостоятельными цѣлыми. — Матеріалъ для внѣшней исторіи языка совпадаетъ въ значительной степени съ матеріаломъ для исторіи и исторіи литературы. Говоря о распространенности народа, о его образованности, о разцвѣтѣ его литературы, историкъ тѣмъ самымъ затрогиваетъ во многихъ пунктахъ внѣшнюю исторію языка этого народа. О матеріалѣ для внутренней исторіи языка говорено было выше.

[1]) Особенно важно и необходимо для науки воссоздать такъ-называемые первобытные (Ursprachen) и основные языки (Grundsprachen), то-есть, языки, различныя видоизмѣненія которыхъ представляетъ извѣстная группа положительно данныхъ языковъ. При этомъ нужно помнить, что все-таки эти первобытные и основные языки въ томъ видѣ, какъ они воссоздаются наукою, представляютъ не комплексы дѣйствительныхъ явленій, а только комплексы научныхъ фактовъ, добытыхъ дедуктивнымъ путемъ.

на это ваше вниманіе. Разумѣется, относительно будущности, эти научныя (но не пророческія) предсказанія языковѣдѣнія далеко не такъ точны, какъ, напримѣръ, предсказанія астрономіи: они только въ общемъ указываютъ на будущее явленіе, на будущій фактъ, не будучи въ состояніи опредѣлить съ точностью отдѣльные моменты его появленія. Но и то, что̀ теперь уже возможно, очень утѣшительно, доказывая состоятельность употребляемаго нынѣ метода изслѣдованія и приближая языковѣдѣніе къ цѣли всѣхъ индуктивныхъ наукъ, именно къ возможно болѣе обширному примѣненію дедуктивнаго метода.

II. *Систематики*, классификаціи языковъ нельзя понимать въ смыслѣ искусственнаго облегченія ихъ изученія посредствомъ введенія порядка въ ихъ разнообразіе, на основаніи извѣстныхъ, наобумъ подобранныхъ или же предвзятыхъ характеристическихъ чертъ. При современномъ взглядѣ на науки вообще и на языковѣдѣніе въ особенности, истинно научная классификація языковъ должна быть воспроизведеніемъ ихъ естественнаго развитія, и съ другой стороны, должна основываться на существенно отличительныхъ свойствахъ.

Въ области языковъ родственныхъ [1]), то-есть, развившихся изъ одного и того же первобытнаго языка и слѣдовательно представляющихъ видоизмѣненія одного и того же первоначальнаго матеріала подъ вліяніемъ различныхъ условій, въ которыхъ находились и находятся говорящіе этими языками народы, — классификація является только модификаціей исторіи языка. Слѣдуетъ только посмотрѣть на языки, какъ на индивидуумы или скорѣе какъ на комплексы знаменательныхъ звуковъ и созвучій, соединяемыхъ въ одно цѣлое чутьемъ извѣстнаго народа, а съ другой стороны—выдвинуть на первый планъ тѣ свойства отдѣльныхъ языковъ, которыя или существенно отличаютъ ихъ другъ отъ друга, или же соединяютъ ихъ въ одну группу въ отличіе отъ другихъ языковъ и группъ, и ео ipso исторія языка становится *генетическою* классификаціей языковъ. При этомъ необходимо постоянно имѣть въ виду, что принципа генетическаго раздѣленія родственныхъ языковъ слѣдуетъ искать не по общепринятому обычаю — въ отдѣльныхъ фонетическихъ, лексикальныхъ и формальныхъ различіяхъ, но въ общихъ стремленіяхъ, обусловливающихъ своеобразное развитіе всего механизма языка, такъ какъ только эти общія

[1]) Внѣшнимъ признакомъ родства языковъ слѣдуетъ считать возможность фонетическаго перевода съ одного языка на другой, то-есть, возможность, каждое (не усвоенное) слово одного языка представить въ формѣ другаго по извѣстнымъ опредѣленнымъ звуковымъ законамъ и звуковымъ соотвѣтствіямъ.

стремленія можно признать характеристическими и постоянными свойствами, обособляющими отдѣльные языки въ средѣ всѣхъ прочихъ, находящихся съ ними въ болѣе или менѣе близкомъ сродствѣ.

Рядомъ съ этою генетическою классификаціей существуетъ тоже *морфологическая*, раздѣляющая языки по особенностямъ ихъ строя и основывающаяся именно на второй части грамматики, то-есть, на морфологіи или словообразованіи [1]). Основное морфологическое различіе группъ языковъ предполагаетъ и первобытное основное существенно различное міросозерцаніе носителей этихъ языковъ, народовъ, предшествовавшее первобытному образованію настоящихъ языковъ, и затѣмъ сопровождавшее это первобытное ихъ образованіе [2]); и поэтому-то языки, отличающіеся другъ отъ друга морфологически, не могутъ быть родственны генетически [3]). Напротивъ того языки, генетически различные, могутъ принадлежать къ той же категоріи съ мор-

---

[1]) Самымъ общепринятымъ образомъ языки раздѣляются съ этой точки зрѣнія на односложные, агглутинирующіе и флексивные.

[2]) Для примѣра возьмемъ двѣ крайности: языки односложные и флексивные. У народовъ, говорящихъ языками односложными, не появилась съ самаго начала ихъ существованія (какъ людей, какъ народовъ) и до сихъ поръ не появляется и никогда не явится (такъ какъ теперь уже языкъ обусловливаетъ складъ народнаго ума) потребность выражать въ языкѣ отношенія представленій помощью матеріальныхъ средствъ, то-есть, звуковъ и созвучій (это даетъ намъ даже право заключать, что въ умѣ человѣка, говорящаго однимъ изъ этихъ языковъ, нѣтъ вовсе представленія настоящихъ формальныхъ отношеній), между тѣмъ какъ строй языковъ флексивныхъ на этомъ именно и основанъ. Въ односложныхъ языкахъ первобытная абстракція, помощью которой народъ отдѣлилъ имя отъ глагола и вообще разныя категоріи словъ по отношенію къ предложенію, достигается извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ порядкомъ словъ (напримѣръ, предикатъ послѣ субъекта, аттрибутъ передъ субъектомъ и т. п.), между тѣмъ какъ въ языкахъ флексивныхъ для этой цѣли служатъ разные формальные элементы, развившіеся изъ даннаго матеріала языка.

[3]) Это, конечно, не исключаетъ возможности замѣны у извѣстнаго народа языка одного строя языкомъ другаго строя, и такимъ образомъ, полнаго отчужденія отъ прежней этнографической національности, отъ прежняго отечественнаго языка; довольно указать на Негровъ, принявшихъ въ Америкѣ французскій или англійскій языкъ, и т. п.; но здѣсь-то именно мы и въ правѣ допустить при такомъ языковомъ переворотѣ переворотъ и въ складѣ народнаго ума вообще. Съ другой стороны, возможно сочетаніе морфологическаго строя одного языка съ матеріаломъ другаго (но только, разумѣется, черезъ заимствованіе); примѣръ такой смѣси строя китайскаго съ матеріаломъ русскимъ представляетъ «Кяхтинское Китайское нарѣчіе Русскаго языка» (ср. статью подъ этимъ заглавіемъ **С. И.** *Черепанова* въ *Извѣстіяхъ* Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, II. 370—377).

фологической точки зрѣнія, то-есть, они могутъ представлять одинъ и тотъ же или, по крайней мѣрѣ, сходный строй [1]).

Скрещеніемъ классификаціи генетической съ морфологическою является раздѣленіе языковъ флексивныхъ на *первичные* и *вторичные*, синтетическіе и аналитическіе. Въ первыхъ слова чувствуются еще живо въ своемъ составѣ, и потребности флексіи удовлетворяются помощью входящихъ въ составъ слова окончаній и т. п., во вторыхъ слова являются уже, по отношенію къ своему составу, мертвыми созвучіями, мертвыми конгломератами звуковъ, и флексивныя отношенія выражаются помощью опредѣляющихъ самостоятельныхъ словечекъ. Но, не смотря на то, основной характеръ тѣхъ и другихъ одинаковъ: основныя стремленія и потребности не измѣняются, а измѣняются только средства, служащія для ихъ удовлетворенія. Разумѣется, здѣсь менѣе чѣмъ гдѣ-либо можно обозначить строгіе предѣлы; напротивъ того, мы видимъ большое разнообразіе и безконечный рядъ всевозможныхъ переходныхъ состояній. Мало того, уже въ самомъ совершенномъ первичномъ состояніи исторически данныхъ флексивныхъ языковъ замѣчаются задатки вторичнаго строя, и наоборотъ, даже въ языкахъ, наиболѣе подвинувшихся своимъ стремленіемъ ко вторичному строю, есть слѣды первобытной первичной формаціи.

Изъ семи извѣстныхъ, научно-опредѣленныхъ, (не смотря на морфологическій строй), генетически упорядоченныхъ группъ языковъ [2]) болѣе всѣхъ прочихъ обращено было вниманіе науки на двѣ, принадлежащія по своему строю къ языкамъ высшаго морфологическаго разряда, то-есть, къ языкамъ флексивнымъ, носители которыхъ, то-есть, говорящіе ими народы, принадлежатъ къ самымъ культурнымъ и самымъ вліятельнымъ относительно всемірной исторіи. Это суть группы (отрасли) языковъ *семитическихъ* и *индоевропейскихъ* [3]). Преимуще-

[1]) Впрочемъ это происходитъ еще, можетъ-быть, вслѣдствіе недостаточнаго и ограниченнаго морфологическаго раздѣленія, и вѣроятно, при болѣе точномъ и менѣе узкомъ опредѣленіи строя отдѣльныхъ языковъ оказалось бы болѣе различій, нежели до сихъ поръ обыкновенно предполагается.

[2]) Группы эти суть: 1) индоевропейская, 2) семитическая, 3) хамитическая, 4) финско-татарская или урало-алтайская, 5) дравидійская или деканская, 6) полинезійская или океанская (малайская), 7) южно-африканская.

[3]) Исконное основное различіе языковъ индоевропейскихъ и семитическихъ находитъ себѣ аналогію въ исконномъ основномъ различіи религіозныхъ воззрѣній ихъ носителей, то-есть, говорящихъ ими племенъ, именно такихъ воззрѣній, сѣмена которыхъ должны были быть брошены еще въ то время, когда че-

ственно послѣдняя группа была подвержена самому тщательному научному изслѣдованію, и на ней выработанъ методъ, примѣняемый теперь и при разсмотрѣніи другихъ группъ.

Пріемы науки лучше всего изучить при изслѣдованіи строго опредѣленной семьи или же отрасли языковъ. Такъ и мы будемъ исключительно заниматься индоевропейскою отраслью, изслѣдуя какъ ея строй и составъ въ историческомъ развитіи, такъ и взаимныя отношенія ея отдѣльныхъ членовъ. *Индоевропейская* (аріоевропейская?) отрасль распадается на восемь отдѣльныхъ семей: 1) индійскую, 2) иранскую, 3) греческую, 4) романскую, 5) кельтскую, 6) германскую, 7) литовскую и 8) славянскую. Онѣ выдѣлились не въ одно время изъ общаго первобытнаго языка, но нѣкоторыя семьи болѣе продолжительное время жили вмѣстѣ другъ съ другомъ, чѣмъ съ остальными семьями, а потому и въ настоящее время представляютъ болѣе сходства. Относительно этого вопроса расходятся мнѣнія ученыхъ, и нужно сознаться, что употребляемые для его рѣшенія пріемы вовсе неудовлетворительны (ср. выше, гдѣ говорится о принципѣ генетическаго раздѣленія родственныхъ языковъ). Окончательно рѣшеннымъ можно считать ближайшее родство семьи индійской съ иранскою, семьи славянской съ литовскою, и по всей вѣроятности, семьи греческой съ романскою [1]).

Древнѣйшіе памятники индоевропейской отрасли сохранила индійская семья въ священныхъ книгахъ Ведъ, языкъ которыхъ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, служилъ въ послѣдствіи для Индійцевъ общимъ литературнымъ языкомъ, подъ названіемъ санскрита. Слѣдовательно, настоящій санскритъ не есть языкъ народный, а только

ловѣкъ только начиналъ быть человѣкомъ, начиналъ говорить: форма, въ которой божество входитъ въ связи и сообщается съ человѣкомъ, у Индоевропейцевъ — воплощеніе божества, у Семитовъ — пророчество.

[1]) Удивительно, что ближайшее родство Литво-Славянъ съ Германцами, по примѣру Гримма и Шлейхера принятое теперь большинствомъ изслѣдователей, было высказано еще въ XIII ст. однимъ изъ польскихъ хронистовъ, Богухваломъ: «sic et Theutonici cum Slavis regna contigua habentes simul conversatione incedunt, nec aliqua gens in mundo est, sibi tam communis et familiaris, veluti Slavi et Theutonici» (см. О древне-польскомъ языкѣ до XIV ст. соч. *И. Бодуэна де-Куртенэ*, — словарь п. с. *славьнинъ*). Ближайшее родство Славянъ и Литовцевъ было сознаваемо Поляками XVII столѣтія. Вотъ что̀ пишетъ объ этомъ предметѣ извѣстный польскій мемуаристъ, Пасэкъ (Pasek): «taka właśnie różnica mowy Jutlandczyków od niemieckiéj, jak Łotwy albo Żmudzi od Polaków» (Pamiętniki Paska. Petersburg. Wolff. 1860, стр. 19).

священный литературный языкъ, въ томъ родѣ, какъ въ былое время старославянскій для Славянъ, а въ настоящее — верхненѣмецкій для Нѣмцевъ. Изученіе санскрита очень важно для изученія индоевропейской отрасли вообще, какъ вслѣдствіе подробнаго и удачнаго его анализа, совершеннаго еще туземными грамматиками, такъ и по достоинствамъ, а именно по прозрачности строя самого языка. Однакожь не слѣдуетъ забывать, что санскритъ есть только одинъ изъ членовъ общей индоевропейской отрасли (не первобытный языкъ, а тоже производный, только съ самыми древними памятниками), что, слѣдовательно, его изученіе не исчерпываетъ всего богатства вопросовъ, возбуждаемыхъ разсмотрѣніемъ этой отрасли, и что, ограничиваясь подробнымъ историческимъ изученіемъ какой-нибудь другой семьи или же языка, напримѣръ, семьи славянской, германской, греческой и т. п., можно, собственно говоря, обойдтись безъ знанія санскрита; хотя съ другой стороны, никогда не помѣшаетъ усвоеніе себѣ отчетливаго знанія грамматической системы этого стариннаго языка. Но при всемъ томъ слѣдуетъ избѣгать столь распространеннаго рабства передъ санскритомъ и не измѣрять явленій другихъ языковъ санскритскими категоріями.

Б. Грамматикой и систематикой исчерпывается научное изслѣдованіе исторически данныхъ языковъ. Во второмъ отдѣлѣ чистаго языковѣдѣнія разбираются вопросы, лежащіе, внѣ предѣловъ историческихъ данныхъ. Здѣсь говорится о началѣ слова человѣческаго, о первоначальномъ его образованіи, объ общихъ психически-физіологическихъ условіяхъ его безпрерывнаго существованія, о вліяніи міросозерцанія народа на своеобразное развитіе языка и наоборотъ о вліяніи языка на міросозерцаніе его носителей, о значеніи языка для психическаго развитія народа и т. п. Многіе изслѣдователи языка относятъ эти вопросы къ антропологіи и психологіи; но мнѣ кажется, что такъ какъ они касаются языка, то и должны тоже подлежать разсмотрѣнію со стороны языковѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что для ихъ рѣшенія требуются данныя изъ положительной части этой науки, изъ исторіи языка.

Что касается *прикладнаго* языковѣдѣнія, то оно состоитъ:

1) въ примѣненіи данныхъ изъ грамматики къ вопросамъ изъ области миѳологіи (этимологическіе миѳы) [1]), древностей и исторіи

[1]) Ср. попытки объяснить библейское сказаніе о Вавилонскомъ столпотвореніи. «In dem letzten Worte sehen wir sogar, wie die Sage von dem Bischof Hatto durch die Volksetymologie veranlasst wird, ähnlich wie man im Pentateuch

культуры вообще (сравненіе словъ, важныхъ въ культурно-историческомъ отношеніи, цвѣтъ котораго составляетъ первобытная или доисторическая исторія, возсоздаваемая при помощи языковѣдѣнія и называемая также лингвистическою палеонтологіей), въ опредѣленіи посредствомъ грамматическихъ изслѣдованій взаимнаго вліянія народовъ другъ на друга и т. д.

2) въ примѣненіи данныхъ изъ систематики къ этнографическимъ и этнологическимъ вопросамъ и къ вопросамъ изъ исторіи народовъ вообще (раздѣленіе языковъ въ связи съ естественнымъ раздѣленіемъ человѣчества) и пр.; и наконецъ,

3) въ примѣненіи результатовъ изслѣдованія втораго отдѣла (о началѣ языка и т. д.) къ вопросамъ, составляющимъ предметъ антропологіи, зоологіи и т. п. (при чемъ лингвистика имѣетъ впрочемъ только второстепенную важность).

Въ предшествующемъ изложеніи я старался опредѣлить языковѣдѣніе, указать на его основные вопросы и представить его внутреннюю организацію, какъ она развилась исторически. Но до сихъ поръ я не ставилъ вопроса, что̀ такое языкъ, а между тѣмъ ясное, хотя бы только отрицательное опредѣленіе его кажется весьма полезнымъ [1]).

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я считаю необходимымъ отвергнуть самымъ положительнымъ образомъ тотъ предразсудокъ нѣкоторыхъ ученыхъ, что языкъ есть организмъ. Это мнѣніе создано вслѣдствіе страсти къ сравненіямъ, которою страдаютъ многіе, не обращая вниманія на то очень простое и убѣдительное предостереженіе, что сравненіе не есть еще доказательство. Въ этомъ проявляется желаніе помощью сравненій избѣжать настоящаго, серіознаго анализа. Отсюда ученое пустословіе, ученое фразерство, которое вводитъ въ заблужденіе людей не только поверхностныхъ, но даже и

---

mehrere dergleichen etymologischen Sagen, die Mythe vom babylonischen Thurmbau (die bekanntlich nur auf der falschen Anknüpfung des Namens Babel an hebr. bâlal beruht) an der Spitze, längst erkannt hat». (*Förstemann*, Über deutsche Volksetymologie, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* etc. von *Aufrecht* und *Kuhn*, I. 6).

[1]) При этомъ необходимо помнить очень справедливое изрѣченіе, что omnis definitio periculosa, и поэтому стремиться не къ реальной дефиниціи (опредѣленію), которая въ сжатомъ выраженіи заключала бы implicite всѣ свойства языка, такъ какъ эти свойства можно узнать только изслѣдуя подробности, а нужно стараться дать дефиницію номинальную, и указывающую только на предметъ, но не предрѣшающую a priori всѣхъ его свойствъ и особенностей.

очень основательно думающихъ. Не вдаваясь въ болѣе подробный разборъ и критику того положенія, что языкъ есть организмъ, и не стараясь опредѣлить сущность организма, я замѣчу только, что организмъ, подобно и неорганическимъ веществамъ, есть нѣчто осязаемое, наполняющее собою извѣстное пространство, а съ другой стороны—питающееся, размножающееся и т. д. [1]). Между тѣмъ, когда человѣкъ говоритъ (а вѣдь отъ этого и зависитъ существованіе языка), мы замѣчаемъ прежде всего движеніе его органовъ; это движеніе органовъ вызываетъ движеніе воздуха, а различія этого движенія обусловливаютъ различія впечатлѣній, производимыхъ на чувства слушателя и говорящаго и связаны съ извѣстными представленіями въ умѣ какъ говорящаго, такъ и слушателя [2]). Кто считаетъ

---

[1]) Организмъ мы можемъ наблюдать глазами, языкъ же — слухомъ; передъ глазами онъ только въ книгахъ, но вѣдь это не языкъ, а только его изображеніе помощью начертаній (буквъ или т. п.). Организмъ всегда весь на лицо; онъ существуетъ безпрерывно со времени своего рожденія по начало его разложенія, называемое смертью. Языкъ какъ цѣлое существуетъ только in potentia. Слова не тѣла и не члены тѣла: они появляются какъ комплексы знаменательныхъ звуковъ, какъ знаменательныя созвучія только тогда, когда человѣкъ говоритъ, а какъ представленія знаменательныхъ созвучій они существуютъ въ мозгѣ, въ умѣ человѣка только тогда, когда онъ ими думаетъ.

[2]) «Слово представляетъ наблюденію прежде всего двѣ стороны, звуковую «форму и функцію, которыя, какъ тѣло и духъ въ природѣ, не являются никогда «отдѣльно, и даже въ дѣйствительности невозможно раздѣлить ихъ безъ ихъ «обоюднаго уничтоженія». (Die Wurzel AK im Indogermanischen von Dr. Johannes *Schmidt* etc. Weimar, 1865, стр. 2). «Форма и содержаніе, звукъ и мысль «такъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, что ни одна изъ этихъ двухъ ча«стей не можетъ подвергнуться перемѣнѣ, не вызвавъ соотвѣтственной перемѣны «и въ другой» (ibidem, стр. 1). Въ этомъ взглядѣ на природу языка очевидно недостаетъ чего-то связывающаго созвучіе и значеніе, а именно недостаетъ представленія созвучія, какъ внутренняго отраженія внѣшней стороны слова. Этотъ недостатокъ есть слѣдствіе разсматриванія языка въ отвлеченіи отъ человѣческаго организма. Интересно узнать, гдѣ именно является такимъ необходимымъ образомъ звуковая форма при мышленіи, писаніи, которыя все-таки не могутъ обойтись безъ такъ-называемой функціи словъ: эти процессы совершаются посредствомъ соединенія представленія предмета (значенія) съ представленіемъ созвучія (при писаніи еще съ представленіемъ видимыхъ начертаній, сопровождаемыхъ соотвѣтственными движеніями руки), но безъ слышимаго созвучія. Мало того: вѣдь когда говоритъ глухомѣмой, то-есть, когда онъ производитъ слышимыя опредѣленныя движенія волнъ воздуха, онъ производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе звуковой формы только въ ухѣ слушателя; для него же самаго такъ-называемая функція тѣсно связана не съ созвучіями и представленіями этихъ созвучій, но съ извѣстными движеніями органовъ и съ представ-

языкъ организмомъ, тотъ олицетворяетъ его, разсматривая его въ совершенномъ отвлеченіи отъ его носителя, отъ человѣка, и долженъ признать вѣроятнымъ разказъ одного Француза, что въ 1812 г. слова не долетали до уха слушателя и мерзли на половинѣ дороги. Вѣдь если языкъ есть организмъ, то должно быть, это организмъ очень нѣжный, и словамъ, какъ частямъ этого организма, не выдержать сильнаго русскаго мороза.

Я не стану разбирать всѣхъ ошибокъ и заблужденій, прямо или косвенно вытекающихъ изъ того предубѣжденія, что языкъ есть организмъ [1]), и прежде чѣмъ выскажу окончательное опредѣленіе языка, обращу предварительно вниманіе, съ одной стороны, на различіе рѣчи человѣческой вообще, какъ собранія всѣхъ языковъ, которые только гдѣ-нибудь и когда-нибудь существовали, отъ отдѣльныхъ языковъ,

---

леніями этихъ движеній; какое же дѣйствіе производятъ эти движенія органовъ на воздухъ и затѣмъ на ухо, для глухонѣмаго вполнѣ непонятно. Кромѣ того, можно встрѣтить людей, которые безъ помощи учителя изучаютъ, напримѣръ, англійскій языкъ (звуки котораго передаются очень сложною и трудно-изучаемою орѳографіей) просто глазомъ, и у нихъ такъ-называемая функція англійскихъ словъ соединяется не съ звуковою формой этихъ словъ, а съ обозначающими ее начертаніями (ср. замѣну видимыхъ музыкальныхъ нотъ на осязаемыя при обученіи слѣпыхъ искусственной музыкѣ). А развѣ, съ другой стороны, для человѣка, который одаренъ хорошимъ слухомъ, но не понимаетъ извѣстнаго иностраннаго языка, значеніе (функція) связано неотъемлемо со звукомъ? Можетъ быть впрочемъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ звуковая форма и функція соединяются мистически, безъ участія заинтересованныхъ (или говорящихъ но не слышащихъ, или читающихъ глазами, или наконецъ слушающихъ но не понимающихъ) индивидуумовъ. Изрѣченія, приведенныя мною въ началѣ этого примѣчанія, имѣютъ своимъ источникомъ узкій, фальшиво понятый монизмъ, послѣдовательное примѣненіе котораго уничтожило бы понятія и о нарожденіи и о жизни и о смерти организмовъ и даже о самихъ организмахъ. Вѣдь при мертвыхъ организмахъ внѣшняя форма (внѣшній видъ и составъ тѣла) остается почти не измѣненною, а исчезаетъ только ихъ основная функція, уступая мѣсто другимъ функціямъ, какъ производительнымъ факторамъ новыхъ организмовъ.

[1]) Можетъ-быть, мнѣ въ скоромъ времени представится возможность разобрать подробнѣе и критически какъ самый предразсудокъ, что языкъ есть организмъ, такъ и другія, находящіяся съ нимъ въ связи, предубѣжденія ученыхъ, напримѣръ, что языковѣдѣніе есть наука естественная (въ смыслѣ ботаники и зоологіи), что оно совершенно различно отъ филологіи, что языкъ и исторія находятся другъ къ другу въ отношеніи противорѣчія и противоположности и т. д., Тогда я постараюсь тоже указать и на нѣкоторыя другія заблужденія, на нѣкоторыя другія ложныя понятія о языкѣ и языковѣдѣніи, частью безсознательно родившіяся въ массахъ, частью же сознательно выработанныя.

парѣчій и говоровъ, и наконецъ отъ индивидуальнаго языка отдѣльнаго человѣка [1]), съ другой же стороны—на различіе языка какъ опредѣленнаго комплекса извѣстныхъ составныхъ частей и категорій, существующаго только in potentia и въ собраніи всѣхъ индивидуальныхъ оттѣнковъ [2]), отъ языка какъ безпрерывно повторяющагося процесса, основывающагося на общительномъ характерѣ человѣка и его потребности воплощать свои мысли въ ощущаемые продукты собственнаго организма и сообщать ихъ существамъ ему подобнымъ, то-есть, другимъ людямъ (языкъ — рѣчь — слово человѣческое).

Взвѣсивъ все сказанное мною, равно какъ и все не досказанное и даже вовсе не высказанное, я дѣлаю слѣдующее опредѣленіе языка:

Языкъ есть слышимый результатъ правильнаго дѣйствія мускуловъ и нервовъ [3]).

Или же:

Языкъ есть комплексъ членораздѣльныхъ и знаменательныхъ звуковъ и созвучій, соединенныхъ въ одно цѣлое чутьемъ извѣстнаго народа, какъ комплекса (собранія) чувствующихъ и безсознательно обобщающихъ единицъ, подходящихъ подъ ту же категорію, подъ то же видовое понятіе на основаніи общаго имъ всѣмъ языка.

Анализъ языка будетъ предметомъ нашихъ занятій.

---

[1]) Индивидуальный языкъ отдѣльнаго человѣка можно разсматривать по отношенію къ качеству (способъ произношенія, извѣстныя слова, формы и обороты, свойственные данному индивидууму и т. п.), и по отношенію къ количеству (запасъ выраженій и словъ, употребляемыхъ этимъ даннымъ индивидуумомъ). Относительно послѣдняго ср. Vorlesungen über die Wissenchaft der Sprache. Von Max *Müller*, etc. Für das deutsche Publicum bearbeitet von Dr. Carl *Böttger* etc. Zweite Auflage. Leipzig, 1866. I, стр. 227 — 228. — Нужно тоже обратить вниманіе на различіе языка торжественнаго и обыденнаго, семейнаго и общественнаго, и вообще на различіе языка въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, на различіе языка общаго и языка спеціалистовъ, на измѣненія языка сообразно съ разнымъ настроеніемъ человѣка: языкъ чувства, языкъ воображенія, языкъ ума и т. д., и т. д.

[2]) Съ этой точки зрѣнія языкъ (нарѣчіе, говоръ, даже языкъ индивидуальный) существуетъ не какъ единичное цѣлое, а просто какъ видовое понятіе, какъ категорія, подъ которую можно подогнать извѣстную сумму дѣйствительныхъ явленій. — Ср. тоже различіе науки какъ идеала, какъ суммы всѣхъ научныхъ данныхъ, изслѣдованій и выводовъ, отъ науки какъ безпрерывно повторяющагося научнаго процесса.

[3]) Языкъ есть одна изъ функцій человѣческаго организма въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Очень можетъ быть, что многое изъ сказаннаго мною трудно было понять. Въ такомъ случаѣ да послужитъ мнѣ извиненіемъ то обстоятельство, что въ общей вступительной лекціи я могъ только ставить вопросы и высказывать общія положенія и выводы, разбору и доказательству которыхъ будутъ посвящены мои послѣдующія чтенія. Тогда и непонятные нынѣ технические термины объяснятся сами собою.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР